

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В XXI ВЕКЕ:
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ**

МОСКВА 2013

0

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В XXI ВЕКЕ:
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ**

**Доклады Института Европы
№ 291**

Москва 2013

УДК 327.022
ББК 66.09+66.4(0),3
Г52

Редакционный совет:
Н.П. Шмелёв (председатель),
Ю.А. Борко, Ал.А. Громыко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией Ал.А. Громыко (составитель, автор)

Рецензенты:
Фёдоров Валентин Петрович, член-корреспондент РАН
Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, д.полит.н.

Номер государственной регистрации: № 01200905001
«Комплексное исследование развития стран и регионов
Европейского континента на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы =
Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches / [под
ред. Ал.А. Громыко] . – М. : Ин-т Европы РАН : Нестор-история,
2013. – 100 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute
of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы
Российской акад. наук ; № 291). – Парал. тит. л. англ. – ISBN .

Коллективная работа «Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы» посвящена вопросам мироуправления и регулирования в условиях формирования полицентричности международных отношений, места в них России. Общий рефрен всех разделов сборника – необходимость инновационных подходов к решению глобальных проблем.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2013

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**GLOBAL GOVERNANCE
IN THE XX CENTURY:
INNOVATIVE APPROACHES**

**Reports of the Institute of Europe
№ 291**

Moscow 2013

Аннотация

Коллективная работа «Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы» посвящена вопросам мироуправления в условиях формирования полицентричности международных отношений, места в них России. Риски и возможности новых «правил игры» на мировой арене, Ближневосточная дуга нестабильности, вызовы многополярности, проблематика интеграционных процессов на постсоветском пространстве – в центре внимания российских экспертов и специалистов-международников. Общий рефрен всех разделов сборника – необходимость инновационных подходов к решению глобальных проблем, комбинации новаторства и традиций в урегулировании насущных проблем мирового развития.

Annotation

The collective work «Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches» is dedicated to the issues of a new world system regulation and management in the conditions of polycentricity and the role of Russia in this fast emerging reality. Risks and opportunities of multipolarity, Arab Spring and the Middle East Arch of instability, the state of integration projects in the post-Soviet space are in the focus of attention of Russian specialists in international affairs. The thread that runs through the book – acute demand in innovative solutions to global problems, in viable combination of novelty and traditions in working out the best possible way for the fast spinning world.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шмелёв Н.П.</i> Введение.....	7
Глобальное управление: риски и возможности	9
<i>Громыко Ан.А.</i> Возможности и риски глобального управления.....	9
<i>Кутовой Е.Г.</i> Вопросы организации качественного глобального управления в меняющемся мире.....	17
<i>Ахтамзян А.А.</i> В процессе глобализации есть выигравшие, но есть и проигравшие.....	24
<i>Дубинин Ю.В.</i> Принцип единогласия – фундамент успеха ООН.....	25
<i>Бартенев В.И.</i> Помощь развитию как инструмент укрепления национальной безопасности России в XXI веке.....	27
Ближневосточная дуга нестабильности	31
<i>Васильев А.М.</i> Вызовы «арабской весны» и ответ Европы.....	31
<i>Наумкин В.В.</i> Ближневосточный регион в глобальном контексте.....	35
<i>Бажанов Е.П.</i> Что ждёт Россию на Востоке?.....	40
<i>Токовинин А.А.</i> Ближневосточная дуга нестабильности: что дальше?.....	44
<i>Рубинский Ю.И.</i> «Пересдача карт» на глобальном уровне....	50
Вызовы полицентричности	54
<i>Давыдов В.М.</i> Новые центры силы – доступ к механизмам глобального регулирования.....	54
<i>Громыко Ал.А.</i> Глобальное регулирование и вопросы полицентричности.....	57
<i>Кувалдин В.Б.</i> Мир однополярный, полуполярный, многополярный?.....	62
<i>Дейч Т.Л.</i> БРИКС и приоритеты России в Африке.....	65
Проблемы Большой Европы	79
<i>Дзасохов А.С.</i> Евразийский проект – реальность мирообразования.....	79
<i>Носов М.Г.</i> Перспективы евразийской интеграции.....	81
<i>Оганесян А.Г.</i> Поиски идентичности в Большой Европе.....	84
<i>Галкин А.А.</i> Интеграция и парадоксы национальной идентичности.....	88

CONTENTS

<i>Shmelev N.P.</i> Introduction.....	7
Global Governance: Risks and Opportunities	9
<i>Gromyko An.A.</i> Possibilities and risks of global governance.....	9
<i>Kutovoi E.G.</i> The quality of global governance: issues of management.....	17
<i>Akhtamzyan A.A.</i> Winners and losers of Globalization.....	24
<i>Dubinin Yu.V.</i> The principle of consensus – the foundation of the UN success.....	25
<i>Bartenev V.I.</i> Development assistance as an instrument of the Russian national policy promotion.....	27
The Middle East Arch of Instability	31
<i>Vasiliev A.M.</i> Challenges of «Arab Spring» and Europe’s response.....	31
<i>Naumkin V.V.</i> The Middle East region in the global context.....	35
<i>Bazhanov E.P.</i> What awaits Russia in the East?.....	40
<i>Tokovinin A.A.</i> The Middle East Arch of Instability: what is next?.....	44
<i>Rubinskiy Yu.I.</i> The redeal of cards on the global level.....	50
Challenges of Polycentricity	54
<i>Davydov V.M.</i> New centres of power – access to mechanisms of global regulation.....	54
<i>Gromyko ALA.</i> Global regulation and issues of polycentricity.....	57
<i>Kuvaldin V.B.</i> Unipolar, one-and-a half-polar, multipolar world?.....	62
<i>Deich T.L.</i> BRICS and Russia’s priorities in Africa.....	65
Problems of Wider Europe	79
<i>Dzasokhov A.S.</i> Eurasian project – reality of world formation.....	79
<i>Nosov M.G.</i> Perspectives of Eurasian integration.....	81
<i>Oganesyan A.G.</i> The quest for identity in Wider Europe.....	84
<i>Galkin A.A.</i> Integration and paradoxes of national identity.....	88

ВВЕДЕНИЕ

Тема глобального управления – одна из самых важных в современных дискуссиях. Вызовы перед мировым сообществом, по существу, те же, с которыми человек появился: «война, чума, голод». Самые крупные вызовы прошлого века я бы сформулировал так: угроза нацизма, угроза красного тоталитаризма, затем угроза атомной войны, которая в 1962 г. чуть не разразилась. Надо сказать, что биполярная система управления миром с участием международных организаций – ООН, Международного валютного фонда, других в целом обеспечила какие-то условия мирового равновесия в прошлом веке. Хотя это равновесие часто нарушалось, например, в годы Корейской войны, Вьетнамской войны, всех арабо-израильских войн, советского вторжения в Афганистан, войн последних десятилетий, в том числе в Европе. Мировая экономическая система также давала время от времени сбои, причём очень болезненные.

К концу XX столетия биполярная система управления сменилась однополярной, которая за истекшие 20 лет показала, что хотя равновесие сил как-то удерживалось, включая по-прежнему равновесие страха, но назвать её успешной было бы большой натяжкой. Особенно на региональных и локальных уровнях и в сфере отношений двух прежних самых серьёзных соперников – США и Советского Союза.

В чём я вижу главную причину кончины биполярного мира? Дело было главным образом во внутренних причинах, но и внешние сыграли свою роль. Например, погоня за паритетностью в гонке вооружений. Умным человеком был генерал де Голль, который не раз говорил, что, конечно, я Советский Союз победить не смогу, но в случае чего несколько его городов с лица земли сотру. Для этого же нужно только четыре-пять подводных лодок и больше ничего. К сожалению, СССР взял курс на паритетность и надорвался. В результате, и в этом я согла-

* Шмелёв Николай Петрович, академик РАН, директор Института Европы РАН.

сен с нашим президентом, мы получили величайшую катастрофу XX века.

Но не меньшие изъяны проявила и однополярная система. Это и расширение НАТО, и ни за что уничтоженная Югославия, и бессмысленная война в Ираке. В общем, есть что вспоминать. Финансовые и экономические механизмы глобального управления, получившие своё наибольшее развитие в начале XXI в., не только не гарантировали, но во многом и спровоцировали мировой экономический кризиса, разразившийся в 2008 г. Не забудем, что первоначально его эпицентром стали именно Соединённые Штаты.

Таким образом, ни биполярная, ни однополярная системы глобального управления не смогли достойно ответить на мировые вызовы своего времени. Им на смену стала приходиться новая система – многополярного, многостороннего регулирования миром с сохранением многих элементов предшествующих систем, включая и Совет Безопасности Организации Объединённых Наций, и Международный Валютный Фонд, и Всемирную торговую организацию и т.д. Но пока полновесных ответов на новые вопросы глобального развития мировое сообщество не дало.

Например, есть ли у нас гарантия, что Третья мировая война не вспыхнет? Куда приведёт мир ближневосточный узел проблем, дополненный «арабским цунами»? А на очереди ещё Иран, Афганистан, Пакистан, да и вся наша Средняя Азия. Куда пойдёт новое возрастающее соперничество между бурно развивающимся китайским чудом и Соединёнными Штатами? Я, например, не исключаю, что лет через десять-пятнадцать из Вашингтона будут звонить в Пекин и спрашивать: «А как быть дальше?», а не наоборот.

Экономический кризис с новой силой показал, что мир нуждается в многостороннем регулировании. Как мог дальше действовать механизм, в котором 90-95% мирового экономического оборота это воздух? Торговля воздухом! Дериватив с прибыльностью в сотую долю процента стал чуть ли не главным инструментом мирового экономического движения.

А перед нами стоят ещё и экологические проблемы, и проблемы голода, и пугающие проблемы неконтролируемой мигра-

ции. Происходит новое великое переселение народов, и ведь на это надо как-то реагировать. Но как? Боюсь, не знает никто. Но когда в Берлине каждый второй рождённый ребёнок – турок, то осознать эти явления необходимо как можно быстрее.

Не ставлю под сомнение необходимость сохранения тех форм международного регулирования и управления международными проблемами, которые мы накопили за прошлые десятилетия. И Совет Безопасности, который нуждается в реформах, но не по снижению его роли, а по сохранению и расширению его компетенций. И Валютный фонд, и ВТО, и брюссельские настройки ЕС, – всем найдётся работа.

Но хватит ли этого? А может быть прообраз будущего управления международными проблемами это G-8? Или G-20? В этом ли направлении решение мировых проблем? Пока ответить трудно. Как трудно ответить и на вопрос о будущем интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Дискуссии на эти темы, безусловно, необходимо продолжать.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Ан.А. Громыко**

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Коснусь всего лишь нескольких граней глобализации и условий, когда возможно глобальное управление. Проблемы глобального экономического финансового и военного сотрудничества подробно мною не рассматриваются. Основное внимание – развитию мирового порядка, установленного в 1945 г. на проверенных временем принципах международного права. Они закреплены в Уставе ООН и являются основными опорами мировой стабильности.

Сегодня отношения между государствами развиваются в ус-

* Громыко Анатолий Андреевич, член-корреспондент РАН, профессор факультета Мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

ловиях глобализации, многополярного мира и нарождающегося глобального гражданского общества. Международные отношения усложняются, они несут в себе не только новые возможности, но и риски – цивилизационные, социальные, экономические, финансовые и, что особенно тревожно, военные. Региональные и местные конфликты, в том числе с применением оружия, – ими мир перенасыщен – из внешней политики ряда государств не вычеркнуты. Людей уничтожают, в том числе гражданское население, десятками тысяч.

Международное сообщество переживает не просто тревожное время, оно вошло во время смутное, осаждается многочисленными вызовами, как природными, так и рукотворными. В результате в международных отношениях, как и в отдельных странах, распространяются тревога и чувство беспомощности. Мессианские настроения и имперские амбиции, используемые элитами сильных государств по отношению к слабым, разрушают уверенность в будущем.

Насколько в этих условиях возможно глобальное управление и как понимать саму глобализацию. Она, конечно, может быть в основном объяснена с помощью экономического и финансового анализа. Но, может быть, для преодоления чувства терпящего бедствие корабля человеческой цивилизации необходимо видеть будущее людей, в том числе глобализации, через призму всеобъемлющей реальности? Глобализация и глобальное управление – явления многогранные, тесно между собой связанные. Их изучение ещё только начинается. Особенно пристального внимания требует к себе Теория Глобализации и Глобального Управления.

Что способствует успеху глобального управления? На мой взгляд, это приверженность историческому цивилизационному наследию, особенно опыту двух мировых войн XX столетия. В чём состоит опыт Второй мировой войны?

В России не случайно так широко празднуют Победу советского народа в Великой Отечественной войне. Разве при этом мы отмечаем только военную победу союзников над фашизмом? В первую очередь, конечно, Победу; память о миллионах павших на полях сражений жжёт наши сердца. Победа, добытая

советским народом, ограничилась, однако, не только военной победой. Большим её успехом стало создание в 1945 г. нового мирового порядка. Была создана ООН, её Устав оформил договорно-правовые основы международных отношений.

Утверждалась истина, многими новоявленными политиками ещё не понятая и не усвоенная, – мировой порядок и стабильность могут существовать только в рамках правопорядка. Такие политики и обслуживающие их элиты, в том числе учёные высоких званий, уже основательно подзабыли уроки страшного побоища середины XX в. Они мыслят историю как цепь эпох, когда новое обязательно означает разрыв с опытом прошлого.

Такой подход к международным отношениям, когда при оценке политики, её целей и возможностей с лёгкостью используют потенциал баланса разных сил, ведёт к росту в мире турбулентности и неопределённости. Возникают международные конфликты, выдвигаются территориальные претензии одних государств к другим, предпринимаются интервенции одних стран и коалиций с целью свержения неугодных режимов, наращиваются усилия по вмешательству во внутренние дела суверенных государств. Постепенно в конфликтах малой и средней силы вызревает опасность Третьей мировой войны.

Разве в таких условиях возможно глобальное управление мировыми делами, в том числе в сфере экономики и финансов, социальных отношений? Ответ очевиден – невозможно.

Где же точки опоры, прочные стержни, используя которые можно уберечь мир от соскальзывания в пучину извечных раздоров? Такие опоры, к счастью, есть. Их нам оставили выдающиеся государственные деятели, создатели мирового правопорядка второй половины XX в. Не всем это нравится. Сегодня в мировых делах мы наблюдаем тревожную картину.

В стремлении выйти из правового поля демократических принципов и норм сторонники права силы столкнулись с ситуацией, когда основные принципы международного права закрепились в Уставе ООН. Их авторы – советские, американские и английские политики и дипломаты. Международное сообщество государств в течение почти 70 лет, несмотря на все попытки ослабить и даже ликвидировать ООН, объявить её чуть ли не бан-

кротом, выражает этой универсальной организации своё доверие и возлагает на неё основные обязанности в деле сохранения мира на Земле. Серьёзные политики видят в ООН якорь мировой стабильности.

Устав ООН не единственный документ, где закреплены основные принципы международных отношений. Другим их источником является судьбоносная Декларация о принципах международного права. Она была принята XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г. Декларация содержит семь основных принципов:

- неприменение силы или угрозы применения силы;
- мирное разрешение международных споров;
- невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства;
- обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН;
- равноправие и самоопределение народов;
- суверенное равенство государств;
- добросовестное выполнение государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом ООН.

Нормы и правила международного права, в том числе его сердцевина – Устава ООН, могут и будут видоизменяться, но при этом они не должны под маской «реформ» проводить **реформацию ООН**. Пренебрежение принципами Устава ООН под предлогом его улучшения приведёт к разрыву с опытом и исторической памятью предыдущих поколений.

В современных международных отношениях проявляются две основные силы «глобального управления». Это, во-первых, право силы, которое своими корнями уходит в толщу тысячелетий и для многих выглядит незыблемым. И, во-вторых, сила права, возможности которого далеко не исчерпаны. Эта ситуация отражается в международном праве, её важнейшим достижением стало создание ООН. Это было делом очень трудным, разрушить ООН будет также нелегко, а вот воссоздать её станет невозможно. При ослаблении ООН, тем более её разрушении, многополюсная система даст глубокие трещины и расколется на противостоящие друг другу враждебные геополитические блоки.

Нельзя не видеть, что на международной арене регулярно подтачиваются и разрушаются опоры мирового порядка, утвердившегося после 1945 г. Политические элиты ряда стран упорно идут на применение военной силы в обход Совета Безопасности ООН, нередко используя для этого дипломатию двойных стандартов. У мировой общественности пропадает вера в то, что во внешней политике «добро побеждает зло», что человечество входит во времена глобального гражданского сотрудничества, когда способность сопереживать должна укрепляться. В состоянии высокой турбулентности мировое сообщество рискует втянуться в пучину социального хаоса. Это уже происходит. Похоже, что от новых социальных, политических и военных потрясений мир людей уже никто и ничто не спасёт.

Такой взгляд может показаться неоправданным. Его, однако, высказывают многие серьёзные исследователи, в том числе на Западе, например, английский учёный У. Хаттоном: «Наименее развитый мир считает, – отмечает он, – что его проблемы: явная нищета, отставание в экономическом развитии, рост народонаселения и преступности – это наследие западного капитализма и несправедливой организации мировых дел. Эти взгляды широко распространены в Китае, арабском мире и в Африке. Многими овладевает чувство бессилия... бессилия от того, что они не более чем пешки на глобальной шахматной доске...»¹.

Встаёт вопрос о платформе всеобщей безопасности, в первую очередь для России. Что надо защищать и от кого? Где критерии безопасности? На фоне несерьёзных разговоров о том, что «нам никто не угрожает» и Россия уже стала частью «цивилизованного мира» и ей не нужны сильное государство и армия, в средствах массовой информации нагромождаются непродуманные схемы, разработчики которых забывают об основах Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, при котором человечество сумело уцелеть и избежать Третьей мировой войны.

Именно в Уставе ООН наиболее чётко сформулированы принципы выживания человечества. На их основе Глобальное

¹ Will Hutton. Them and Us. Changing Britain – Why We Need a Fair Society. Abacus, 2011. P. 292-293.

Управление только и возможно. Без сохранения и следования этим принципам оно не состоится. В условиях конфликта цивилизаций окажется неэффективной борьба с разрушением экологии земли, смертельно опасным для такого хрупкого существа, как человек. Международные конфликты не оставят времени и сил для эффективного использования сельскохозяйственных земель и обеспечения людей пресной водой. Останутся нерешёнными проблемы глобальной демографии и миграции, искоренения терроризма, пиратства и наркотрафика. В условиях международных конфликтов деструктивные процессы на мировой арене приобретут масштабы неуправляемого кризиса, который выйдет за пределы экономики и финансов. И никакие новые форматы коалиций сильных государств и даже военно-политические союзы этот кризис не остановят.

В условиях накопления и использования оружия эффективного глобального управления быть просто не может. Право силы возьмёт верх над силой права, и ООН, скорее всего, будет разрушена. До недопустимых пределов ослабнет международное право. Если «политические элиты» этой опасности не почувствуют, то международное сообщество обречено из состояния усиливающейся неопределённости перейти в стадию крупных социальных конфликтов.

На первый план выйдет глобальный социальный конфликт, снова наберут силу враждующие идеологии, о которых сегодня предпочитают не говорить. Такое состояние международной среды вполне вероятно, более того, его можно предвидеть. Это будет реальный вызов глобальному управлению, каким мы его сегодня знаем. Процесс изменения расстановки глобальных сил идёт полным ходом.

Глобальное управление сегодня развивается в условиях, когда оно осуществляется **как политическими, так и экономическими субъектами**. Они создают несущую конструкцию глобализации, в том числе опираются на новые точки роста и развития мировой экономики и политики. Этот процесс создания Новой Архитектуры международных отношений по историческим меркам только начался. Основными субъектами мироустройства XXI в. станут как устоявшиеся государства, так и

международные организации, возникшие после Второй мировой войны. Этот процесс в основном развивается эволюционно, но для мирового сообщества он будет болезненным, наполненным многочисленными рисками.

Для многих государств и сегодня право силы, во всех её проявлениях, остаётся важным средством внешней политики. Войны, однако, становятся рискованным делом, встречают растущее осуждение. И всё же, силовые акции в мировых делах ведутся всё более изощренно, с помощью средств массовой информации, им предшествуют пропагандистские кампании. Для обеспечения успеха используется дипломатия, в том числе и многосторонняя.

Управление миром людей, конгломератом цивилизаций, утвердившихся на Земле, зависит от воплощения в жизнь идей **нового политического мышления**. Оно возникло в середине XX в. и воплотилось в Манифесте лорда Рассела и Альберта Эйнштейна. Именно они провозгласили святую истину – или мы уничтожим ядерное оружие, или оно уничтожит нас. Полвека международные отношения, даже в условиях идеологического противоборства, развивались под сильным влиянием этой идеи. Несколько поколений политиков и дипломатов создавали условия, при которых человечеству удалось избежать новой мировой войны, возможно, своего самоуничтожения. Опасность Большой Войны мировое сообщество всё же не миновало. Атомное оружие остаётся на вооружении многих стран. Оно медленно, но расползается. Положить конец гонке ядерных вооружений не удаётся.

В то же время итогом второй половины XX столетия стало заметное влияние на мировую политику силы права. Именно международное право является опорой процессов демократизации на глобальном уровне. Все, кто сегодня выступают за демократию, не могут не распространять её принципы на международные отношения. Последние должны быть демократичными, а не деспотичными.

В случае разрушения ООН, какой мы её знаем, глобальное управление потеряет центр легитимизации международных акций. В этих условиях оно отчасти сохранит своё влияние в эко-

номической и финансовой областях; в остальных это влияние будет подорвано. В мировой среде число конфликтов разных уровней увеличится.

Выскажу надежду, даже уверенность, что научные дискуссии о глобальном управлении и вызовах XXI в. не только затронут, но и дадут ответы на вопросы о путях укрепления в международных отношениях позиций России. Возможности России в глобальном мире, в условиях роста дефицита управляемости и нарастающего в ряде регионов хаоса обсуждаются давно, но при этом слишком многое остаётся неясным. Последствия глобализации пока оцениваются в самых общих чертах, особенно деятельность транснациональных корпораций. Да, конечно, они используют достижения науки и техники для создания новых производств в развивающихся странах, сохраняют или даже увеличивают нормы своей прибыли. Всё это так. Эта ситуация позволяет использовать возможности глобального управления на благо людей. Сегодня, однако, эту надежду испытывают на прочность.

В 2008 г., до начала нового глобального кризиса, в мире насчитывалось 79 тыс. ТНК, они имели около 800 тыс. филиалов за пределами стран своего происхождения. В этих гигантских корпорациях трудятся сотни миллионов промышленных и сельскохозяйственных рабочих, инженеров и управляющих. В настоящее время весь мировой ВВП составляет примерно 70 трлн долларов. Из них стоимость продаж продукции предприятий, принадлежащих ТНК, составляет 31 трлн долл.² Такой мощный экономический и финансовый конгломерат несёт мировой экономике новые возможности для развития. С этим не поспоришь. Конечно, несёт, вот только для кого? Ответ напрашивается сам собой – тем, кто эти возможности в условиях либерализации сполна использует.

У тех, кто в условиях глобализации успел и нашёл для себя выгодное место, нередко возникает желание сохранить его всеми средствами, в том числе с помощью «новых подходов». Следует помнить, как много нелепостей делают люди только из-за

² Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса. Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина. Москва, ИМЭМО РАН, 2012. С. 7.

стремления создать что-то «новое», когда в этом нет необходимости.

Слабым странам глобальные властные структуры ошибок не простят, они их подчинят и, если им это будет выгодно, разорят. Национальные элиты эту опасность чувствуют и от неё защищаются. В XXI в. только сильные государства, ООН и другие дееспособные коалиции, используя в том числе рыночные отношения, будут осуществлять глобальное управление.

*Е.Г. Кутовой**

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ КАЧЕСТВЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Современный мир меняется стремительно и глубоко под воздействием обширного комплекса глобальных и региональных факторов и явлений.

На первый план по их весомости и значимости выходят новые трансграничные угрозы и вызовы. В их числе: техногенные катастрофы; глобальная террористическая угроза; трансграничная организованная преступность; наркотрафик и наркоманизация определённых слоёв населения; резкое увеличение международных миграционных потоков; сохраняющаяся бедность, а в некоторых странах нищета населения; распространение опасных эпидемий; существенное изменение климата в связи с глобальным потеплением; деградация окружающей среды и обостряющиеся экологические последствия. Возникающие на этой почве проблемы, многие из которых образно называются в ооновских кругах, как «проблемы без паспорта», пересекая границы государств, порождают глубокие противоречия, которые затрагивают интересы подавляющего большинства государств и требуют для их решения слаженной и ответственной совместной работы.

Ключевую роль в геополитике, мирохозяйственных отношениях и связях государств играет глобализация, которая активи-

* Кутовой Евгений Георгиевич, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, профессор Кафедры дипломатии и внешней политики России.

зирует процессы инновационного развития и интеграции, сближая национальные экономики в рамках мирового хозяйства и делая мир более взаимозависимым.

Система международных отношений и мирохозяйственных связей ощущает на себе серьёзное влияние выхода на мировую арену десятков новых государств с большими ожиданиями, но трудно формирующейся государственностью и далеко не во всём совершенной рыночной структурой. Ускорение темпов экономического развития государств Северо-Восточной Азии на фоне их затухания в последние десятилетия в странах Европейского союза и Северной Америке смещает центр мировой торговли и инвестиционной активности в Азиатско-Тихоокеанский регион, ставший ведущим экономическим центром мира.

С расширением масштабов глобального промышленного производства, связанного с удовлетворением спроса со стороны 7 млрд человек, населяющих нашу планету, социально-экономическую остроту приобретает проблема обеспечения продовольствием растущего населения Земли.

Межгосударственные и межэтнические конфликты и кризисные явления в различных регионах мира осложняют усилия ООН по формированию стабильных международных отношений и созидательного партнёрства государств. Не исчезает логика конфронтации.

Возрастающее влияние на геэкономiku оказывают инновационные прорывы в области передовых технологий, внедрение новых идей в научно-техническую сферу. Они ускоряют интеграционные процессы на региональном и глобальном уровнях.

В системе международных отношений нарастают серьёзные перемены. Они выражаются в стремлении заинтересованных государств, десятилетиями разделённых конфронтацией великих держав и расколом мира на два лагеря, диверсифицировать и углубить жизненно важные для них политические отношения и торгово-экономические связи. В межгосударственных отношениях при активном содействии ООН утверждаются идеи признания верховенства международного права. Вместе с тем, как подчёркивается в Стратегии национальной безопасности России, «возросла уязвимость всех членов международного сооб-

щества перед лицом новых вызовов и угроз». В силу разных причин усиливаются нестабильность и непредсказуемость процессов мирового развития, которые усугубляются финансово-экономическим кризисами, политикой натовских держав, направленной на применение военной силы против некоторых государств в обход Совета Безопасности ООН и в нарушение международного права.

В результате воздействия совокупности факторов и явлений: политического, торгово-экономического, финансового, научно-технического, гуманитарного и иного плана на всю систему международных отношений мы становимся свидетелями меняющегося мира – мира многополярного, с консолидирующимися новыми центрами силы и влияния. Расширяется, и притом весьма существенно, объём больших и малых проблем глобального и регионального плана, которыми на разных уровнях приходится заниматься государствам мирового сообщества, Организации Объединённых Наций, её специализированным учреждениям. На первый план на мировом уровне выходит задача разработки и использования действенных средств регулирования такого рода разноплановых проблем с целью обеспечения мира и международной безопасности, устойчивого экономического развития.

Чтобы успешно реагировать на угрозы и вызовы XXI столетия, решать проблемы сегодняшнего дня и обозримого будущего, человечество должно научиться эффективнее осуществлять управление в глобальном масштабе, используя в этих целях более действенные средства. Дебатируемая в СМИ и некоторых общественно-политических кругах идея создания глобального правительства по многим причинам едва ли осуществима в обозримом будущем, а тем более на нынешнем турбулентном этапе мирового развития.

Более реалистичным представляется выдвинутый в рамках ООН метод **глобального управления** (global governance), – охватывающее регуляционные средства, предназначенные для организации функционирования международного сообщества на общемировом уровне. Глобальное управление охватывает совокупность официальных институтов и неофициальных механизмов, регулирующих деятельность межправительственных и не-

правительственных организаций.

Возникает вопрос о качественной стороне такого управления. В английском языке применительно к понятию «global governance» используется «good governance». В англо-русском словаре «good» переводится как умелый, искусный, полезный, доброкачественный. В ооновских документах российские специалисты переводят указанное выражение на русский язык, как «благое управление», «искусное управление», «умелое управление», «хорошее управление». В последнее время в российских официальных материалах утвердилось выражение «надлежащее управление». «Надлежащий» переводится на английский язык словами: fitting, proper, appropriate. Но у корифея русского языка Владимира Даля слово «надлежащий» трактуется как надобный, должный, приличный, соответственный, следующий, что не достаточно адекватно оценивает качественную сторону понятия «управление». Более подходящим в конкретном ооновском контексте мне представляется слово «качественное». По Далю, слово «качественное» «выражает свойство или принадлежность», всё, что «составляет сущность вещи, её позитивную сторону».

В Декларации саммита глав государств-членов ООН (2005 г.) определён обширный круг политических, торгово-экономических, гуманитарных, экологических целей глобального порядка. Соответственно выдвинута задача обеспечения «good governance», что с учётом вышеизложенного может быть переведено как качественное управление явлениями и процессами, протекающими в системе международных отношений и мирохозяйственных связей. К категории жизненно важных проблем в документе отнесены: установление справедливого и длительного мира во всём мире и международной безопасности с учётом суверенного равенства всех государств, их территориальной целостности, политической независимости, невмешательства во внутренние дела. К этой же категории причисляют внутригосударственную стабильность, соблюдение международного права, уважение прав человека, включая гендерное равенство, рыночно-ориентированную политику, общую приверженность демократическому обществу (Док. A/RES/60/1/). Именно в тесном переплетении подобного рода актуальных проблем и це-

лей видится нынешний стремительно меняющийся мир, который нуждается в преобразовании в интересах будущих поколений.

Показательно, что в отчётном докладе Ху Цзинтао на XVIII съезде КПК подчёркнуто значение продвижения реформы институтов глобального управления, стимулирование мира и экономического развития во всём мире.

Представляется, что в формирование качественного глобального управления призваны вносить вклад все заинтересованные государства. В ряде западных публикаций, в частности, в книге директора Центра европейских проблем Чарльза Гранта «Russia, China and Global Governance», опубликованной в феврале 2012 г., утверждается, что российскими авторами глобальное управление рассматривается как концепция Запада, выдвинутая для продвижения его интересов в глобальном масштабе, в связи с чем они, мол, скептически относятся к «потенциалу глобального управления».

Представляется, что долг нашей страны и её учёных отреагировать на такой тезис формированием привлекательной для государств мирового сообщества концепции качественного глобального управления в рамках ООН и её специализированных учреждений, выдвиганием платформы, включающей средства и методы её реализации. Именно в ООН, которая является организацией, не имеющей реальной альтернативы, и которая обладает уникальной легитимностью, в том числе в вопросах глобального управления.

Продумывая возможное содержание элементов наполнения такой концепции, мы должны рекомендовать включение в неё таких элементов, которые, во-первых, адекватно отражали бы реалии меняющегося мира, позволяли заблаговременно выявлять новые тенденции; во-вторых, содержали бы средства и методы, позволяющие эффективно решать встающие перед мировым сообществом государств проблемы; в-третьих, по своему содержанию и направленности такая концепция должна способствовать обеспечению российских национальных интересов, укреплению глобальных позиций нашей страны, повышению её международного престижа. Она должна ориентировать главные

органы ООН и специализированные учреждения на оказание содействия государствам-членам в налаживании межгосударственного взаимодействия и лучшего взаимопонимания между народами, на формулирование общих целей и разработку масштабных глобальных и региональных проектов, отвечающих жизненным интересам человечества, – проектов, нацеленных на обеспечение прочного мира и безопасности, устойчивого экономического развития.

Чтобы привлечь внимание широких общественно-политических кругов разных стран, концепция качественного глобального управления должна быть транспарентной, ориентированной на достижение результатов, отвечающих максимально широкому кругу государств, в том числе на борьбу с коррупцией. Полезным было бы для начала определить круг первоочередных областей применения средств качественного управления, а также те международные и национальные институты, которые будут осуществлять глобальное управление.

Представляется, что повышению качества глобального управления отвечало бы углубление конструктивного взаимодействия между ООН и такими межправительственными структурами, как «Группа 20», «Группа 8», БРИКС, РИК, которые стремятся повышать свою роль в управлении глобальной экономикой, выступают за новый справедливый и сбалансированный международный экономический порядок. Россия начала с декабря 2012 г. председательствовать в «Группе 20», в ближайшие годы она будет председательствовать в БРИКС и «Группе 8». Мы могли бы проверить нашу модель качественного управления на этих структурах.

Потребуется, конечно, финансовые средства, для повышения эффективности глобального управления, а также механизм контроля как за расходованием средств, так и за качеством самого управления. Для осуществления качественного глобального управления потребуется подготовка компетентных кадров управленцев. Перед дипломатией заинтересованных государств-членов ООН, включая российскую, встает ответственная задача проведения многосторонних переговоров для разработки эффективных средств глобального управления. А это в

свою очередь потребует совершенствования применения внешнеполитического инструментария.

В заключение хотелось бы отметить, что организация качественного управления приобретает растущее значение в контексте национальных государств. Так, министерство по европейским и иностранным делам Австрии выдвинуло и начало проводить в жизнь проект качественного управления применительно к Черноморскому региону. В рамках этого проекта, финансируемого австрийской стороной, в 2011 г. в Одессе проведена научная конференция по качественному управлению. В текущем году подобная конференция состоялась в Грузии, на следующий год она запланирована в Стамбуле.

Ключевой целью Конференции провозглашается развитие демократических институтов и обществ, использование элементов, относящихся к качественному управлению. К числу принципов, определяющих их концепцию, австрийцы относят: налаживание лучшего понимания между народами, разработку общих целей и проектов, выдвижение трансграничных инициатив в рамках структуры, базирующейся на праве закона и уверенности в институтах. Эта концепция должна быть всеохватывающей, ориентированной на достижение консенсуса, быть подотчётной национальным органам власти, транспарентной, эффективной и направленной на достижение результатов, отвечающих интересам сторон. Она должна быть также ориентирована на борьбу с коррупцией, принимать во внимание взгляды меньшинств.

В выступлении посла Мартина Эйхтингера, генерального директора по вопросам культурной политики указанного министерства, отмечалось, что качественное управление на более широком, а также международном уровне означает, что мы должны фокусировать наше внимание на должном взаимодействии между правительствами и рынками, правительствами и частным сектором, на взаимоотношениях между избранными и назначенными официальными лицами и гражданами, а также между законодательными и исполнительными органами. Стабильность, по мнению Эйхтингера, требует недопущения насилия и эффективного контроля. Подлинная свобода речи и ассо-

циаций несомненны, так как в противном случае сама демократия не сможет функционировать.

Представляется, что наша научная мысль могла бы также внести свою лепту в повышение эффективности управления российских органов власти.

*А.А. Ахтамзян**

В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЕСТЬ ВЫИГРАВШИЕ, НО ЕСТЬ И ПРОИГРАВШИЕ

Мало кто по-серьёзному задумывается над тем, что такое глобализация и возможно ли глобальное управление. Собственно, глобализация, как историческое явление, существует уже много столетий и даже тысячелетий, с того времени, как континенты, а не только страны, стали общаться между собой. Глобализацию, видимо, надо рассматривать как естественный исторический процесс. От этого никуда не уйдёшь. Но также очевидно, что нужно выработать приемлемую формулу глобализации. В германской политологии есть такое определение понятия глобализации: сильно увеличивающаяся интернационализация торговли, капиталов, а также рынков продукции и услуг, быстро растущее переплетение народных хозяйств, идущее с 1990-х гг. XX в.

Такое определение, на мой взгляд, не только недостаточно, но оно сильно упрощает проблему. Недостаточно потому, что объясняет то же через то же. Глобализация и интернационализация это один и тот же процесс. И об интернационализации и экономик, и культуры многие историки размышляли уже давно. Ускоренными темпами эти процессы пошли уже в начале XX в. И две мировых войны ни что иное, как плод этой глобализации. Обычно глобализацию определяют, как позитивный, мирный процесс, не отмечая его негативные последствия. А между тем, например, в Европе очень сильны антиглобалистские настроения. Они связаны с тем, что крупные страны, не стесняясь, говорят: да, в процессе глобализации есть выигравшие, но есть и

* Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович, д.и.н., МГИМО(У) МИД РФ, профессор Кафедры истории и политики стран Европы и Америки.

проигравшие. А кто будет в числе проигравших? Будут те, кто не захочет подчиняться правилам, которые диктуют сильные.

Здесь и возникает вопрос качественного управления. Например, есть ли оно в ЕС? В Греции ясно, как ответят на этот вопрос. Там дошло до прямых оскорблений в отношении политических лидеров ФРГ.

Германские экономисты-глобалисты признают, что в процессе глобализации будут не только выигравшие, но и проигравшие. Проигравшим заранее рекомендуют быть осторожнее, придерживаться установленных правил, как, например, при вступлении России в ВТО. Россия не столь сильна, чтобы рекомендовать свои правила. Но ей-то рекомендуют!

Что касается роли ООН. Конечно, она не может стать центром глобального управления. ООН может вырабатывать рекомендации. Разумные рекомендации, скажем, по вопросам воздействия человека на природу, экологии, экономному расходованию энергии. А дальше страны должны сами делать выводы. Так, Германия здесь занимает передовые позиции, вступает в стадию, когда будет отказываться от чрезмерного употребления энергии и переходить к её возмещаемым формам.

По поводу однополярной модели мира во главе с Соединёнными Штатами Америки, хотелось бы сказать следующее. В 1995 г. состоялось совещание 500 наиболее влиятельных политиков мира. Там, близ Силиконовой долины была высказана мысль, что достаточно 20% населения Земли, чтобы нормально функционировала экономика. 80% лишние. Согласны ли мы с тем, что управлять миром будут эти 20%, которые считают, что ресурсов, не только энергетических, но и природных на всех не хватит?

*Ю.В. Дубинин**

ПРИНЦИП ЕДИНОГЛАСИЯ – ФУНДАМЕНТ УСПЕХА ООН

Несколько соображений о роли ООН, о принципах, которые

* Дубинин Юрий Владимирович, МГИМО(У) МИД РФ, профессор Кафедры дипломатии, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ.

заложены в её Уставе. Полностью согласен, что это вершина достижений человеческого сообщества в международном праве и основа сегодняшнего миропорядка. Хочу подчеркнуть одно положение Устава, весьма существенное для всего сообщества, но, прежде всего, для нашей страны. Речь идёт о принципе единогласия великих держав – постоянных членов Совета Безопасности. Это положение явилось основой, фундаментом успеха ООН, её долговечности и её важности для будущего. Нашу страну это положение подняло на самый высокий уровень международного значения. Вспомним, последняя битва при создании ООН, как известно, была вокруг настойчивых попыток американского президента Рузвельта заставить Советский Союз от этого положения в проекте Устава отказаться. Но мы настояли на своём.

В наши дни идёт широкое обсуждение реформы ООН. Подвергается атакам и принцип единогласия. Очень важно и сегодня устоять. Принцип единогласия – это дипломатическое выражение решающего вклада нашей страны в победу во Второй мировой войне³.

Другое соображение касается Хельсинкского заключительного акта – следующего по значимости международного нормативного акта после Устава ООН. Кстати, недавно Нобелевскую премию за этот документ дали Европейскому союзу. Это лукавое решение, одна из попыток отождествления Европейского союза со всей Европой и, тем более, подмена Европейским союзом всех участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включая США и Канаду. Большой обоснованности заслуживала бы Нобелевская премия всем создателям общеевропейского процесса и Хельсинкского заключительного акта.

Но я хочу отметить другое. Одна из причин успеха Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе состояла в том, что решения на нём принимались по правилу консенсуса, то есть, при отсутствии возражений со стороны кого-либо из

³ Отметим, что в Концепции внешней политики РФ, одобренной президентом РФ 12 февраля 2013 г. записано на этот счёт: «Статус пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН должен быть сохранён».

участников. К сожалению, в дальнейшем из этого правила был сделан ряд изъятий. Они нанесли непоправимый ущерб общеевропейскому процессу. И мы сегодня пожинаем плоды. Это, види-мо, полезно будет иметь в виду, поскольку за Большой Европой, о которой много говорят, а точнее за обширным районом земного шара от Атлантики до Тихого океана и наоборот – большое будущее.

*В.И. Бартенев**

ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Сегодня уникальный момент и с точки зрения вызовов для глобального управления, и для повестки дня российской внешней политики. Россия в ближайшие три года будет председательствовать в трёх крупнейших неформальных форматах глобального управления. Это «двадцатка», «восьмёрка» и саммит БРИКС. Если Россия хочет позиционировать себя как полноправный участник процессов глобального управления, она должна формировать свою повестку дня в этих институтах, должна выступать с максимально широким инструментарием внешней политики, в том числе помощь развитию. Это важно и потому, что происходит формирование новой повестки дня международного развития на период после 2015 г. Цели развития тысячелетия, сформулированные в 2000 г., имели своим ориентиром именно 2015 г., и мы приближаемся к нему с крайне неудовлетворительными результатами. Большинство стран не выполнили поставленные перед собой задачи, в первую очередь те, что охвачены кризисом, конфликтами и нестабильностью. Причём таких стран стало гораздо больше.

Одним из пунктов формирования новой повестки дня является попытка интегрировать проблемы, лежащие на стыке безопасности и развития, конфликтов и развития. Среди наиболее

* Бартенев Владимир Игоревич, к.и.н., директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

важных – новый курс в отношении нестабильных государств. Кроме того, кризис, который изменил систему глобального управления, изменил и систему управления таким важным инструментом, как потоки помощи развитию. В условиях, когда сокращаются бюджеты, причём у всех крупнейших доноров, за исключением Великобритании, очень важно, как доноры распоряжаются теми скудными средствами, которые у них остаются в условиях кризиса. Продолжает происходить так называемая секьюритизация помощи, то есть помощь направляется в те страны, которые представляют наибольший интерес с точки зрения обеспечения безопасности. Это вполне понятная вещь, связанная с тем, что необходимо удовлетворять интересы собственного населения, которое в условиях кризиса не готово тратить деньги ни на что иное, кроме того, что непосредственно затрагивает его интересы.

В этом смысле крайне важно то, что будет происходить после 2014 г. в свете вывода коалиционных сил из Афганистана. Нестабильность приближается слишком близко к границам России, и помощь должна стать одним из инструментов влияния и превентивного реагирования на риски.

О горизонтах евразийской интеграции. Здесь происходят достаточно серьёзные подвижки, о чём свидетельствуют визиты В.В. Путина в Бишкек и Душанбе и те договорённости, которые были заключены осенью 2012 г. по продлению пребывания наших военных баз, по крупным инвестициям в ГЭС. Использование инструмента помощи развитию как инструмента обеспечения национальной безопасности – одна из ключевых характеристик любого государства-донора. А таковых в мире становится всё больше.

Условно их можно подразделить на «мягких» и «жестких». Первые это те, кто руководствуется в большей степени гуманитарными, филантропическими мотивами оказания помощи, и здесь лидируют скандинавы. Пример «жесткого» донорства – США, которые на протяжении последних 70 лет использовали донорство, как инструмент в первую очередь обеспечения своей национальной безопасности.

Где на этом поле находится Россия? У неё на данном фрон-

те есть определённые, серьёзные проблемы. Предыдущее председательство России в «восьмёрке» состоялось в 2006 г. Тогда была совершенно иная ситуация, когда мировая экономика развивалась достаточно интенсивно, и лишь отдельные экономисты предсказывали кризис. Сегодня положение дел иное, кризис выявил существенные расхождения между интересами развивающихся и развитых стран. Россия пытается одновременно играть на своём возможном вступлении в ОЭСР, с одной стороны, и с другой, – активно позиционировать себя в качестве участника БРИКС.

Что Россия может предложить? Концепция, принятая в 2007 г. по участию в содействии международному развитию, слишком всеобъемлющая. В ней перечислено абсолютно всё, все регионы, все инструменты, все цели, которые можно было на тот момент придумать. Среди них и экономическое развитие, и содействие интеграционным процессам, и урегулированию конфликтов. Но очевидно, что мы не можем позволить себе помогать в том же объёме, в котором помогают многие другие. У нас слишком большие внутренние социальные риски для того, чтобы мы встали в один ряд с традиционными донорами. Те объёмы помощи, которые Россия в последние годы оказывает, это около 500 млн долл., совершенно не сопоставимы ни с традиционными донорами – членами «восьмёрки», ни с крупнейшими странами БРИКС – Китаем и Индией. России нужно делать стратегический выбор: позиционировать себя по линии партнёрства Юг – Юг, что очень сложно, так как Россия никогда не будет полноценно восприниматься как страна юга, или идти на сотрудничество с ОЭСР и принимать условия игры, которые ей навязывают традиционные доноры.

В любом случае, национальная безопасность как главная цель помощи – это главный приоритет. Так, существует конкретная угроза дальнейшего перелива нестабильности из Афганистана на постсоветское пространство. Здесь и важные вещи, связанные с экономическим развитием России и переориентацией на более модернизационный путь развития, который предусматривает и укрепление интеграционных процессов.

Есть одна вещь, связанная с усилением фактора Китая в наи-

более приоритетном для нас регионе СНГ. Россия уже давно не являемся крупнейшим игроком на этом поле, на поле помощи развитию. Китай занял наше место. Например, по Таджикистану было проведено исследование, которое выявило, что по официальным данным за последние 10 лет Россия выделила Таджикистану в качестве официальной помощи развитию 13,5 млрд долл. Это 0,8% от общего объема донорской помощи. А доля Китая – 53%!

В этой связи возникает вопрос, что делать России для того, чтобы этот инструмент укрепления национальной безопасности использовать максимально эффективно? Я возвращаюсь к тому, что главное, с чем нужно определиться, это каков наш стратегический выбор на ближайшие три года. С ОЭСР или со странами БРИКС? Есть возможность попытаться использовать наше положение, сыграть на наших преимуществах как страны условного севера, и как страны развивающейся и имеющей определённые схожие черты с другими членами БРИКС. Россия могла бы стать звеном в создании реальных многосторонних проектов, в том числе в сфере безопасности, связанных с донорской помощью, которые объединят и традиционных доноров, и новых. В этом будут заинтересованы и страны Запада, и страны БРИКС. Для Китая угроза нестабильности, связанная с Афганистаном, вполне конкретна в свете проблем своей собственной территориальной целостности. У Индии их не меньше.

Что нужно делать конкретно? Первое это переориентация всеобъемлющего курса, который выбрала Россия в своё время. Недостаточны суммы, которые идут в каждую организацию просто для того, чтобы позиционировать нашу глобальную роль. Нигде нет реальных приоритетов, они не обозначены. Нет разработки региональной стратегии, например, оказания помощи в отношении беднейших стран Центральной Азии. Нужно произвести переориентацию этих потоков на те регионы, из которых исходит наибольшие угрозы национальной безопасности нашей страны. Нужно попытаться вносить бóльший вклад в те организации, в те учреждения, включая фонд миростроительства ООН, которые обеспечивают России возможности играть глобальную роль.

Нужно также переориентироваться с многосторонней помощи на конкретное взаимодействие с отдельными странами. В концепции 2007 г. было заложено, что Россия делает акцент на многосторонних организациях, потому что у них есть ресурсы, у них есть понимание ситуации, у нас же своих специалистов и ведомств пока нет. Прошло пять лет, но до сих пор попытки объединить и распределить ответственность между министерствами ничего не дают. До конца 2012 г. ответственность за то, кто будет формулировать повестку дня российской помощи развитию, определена так и не была. Проекты меняются от года к году, иногда от месяца к месяцу. Здесь же необходимо стратегическое видение.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ДУГА НЕСТАБИЛЬНОСТИ

*А.М. Васильев**

ВЫЗОВЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» И ОТВЕТ ЕВРОПЫ

Один из главных индийских богов Шива совершает космический танец, в котором он разрушает всё окружающее, а потом снова созидает. Такое ощущение, что по нашей стране Шива за прошлый век танцевал несколько раз. Сейчас он танцует по арабским странам и не только, но что получится из этого разрушения сказать очень трудно.

Почему для Европы это важно? Конечно, это проблема миграции, без мигрантов Европа не сможет кормить своих стариков. Но вместе с тем мигранты перестали превращаться во французов, немцев, англичан и так далее, их численность всё время растёт, они живут сами по себе. Американцы отказались от проблемы плавильного котла и говорят о проблеме «крупнонарезанного салата», но то же самое происходит в Европе. Салат это хорошо, но, с другой стороны, он может вызвать и несварение желудка. Когда-то Косово было сердцем Сербской нации, но после веков массового переселения и роста численности албан-

* Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, директор Института Африки РАН.

цев, перестало быть таковым. Сейчас происходят схожие процессы, но только гораздо быстрее и по всей Европе.

Теперь об арабских революциях. Причины известны: безработица, коррупция, полицейский произвол, застоявшаяся автократия. Напомню то, о чём говорят меньше – о «молодёжном бугре». Он вызван тем, что за последние 20-30 лет резко улучшилась медицина, стало меньше умирать детей и матерей, а традиции высокой рождаемости остались. Выросло новое поколение молодёжи, сейчас оно составляет необычно высокую часть населения, оно более или менее образована и у него нет будущего. Результат – молодёжь стала активной частью произошедших восстаний, более того – их организатором с широким использованием информационных технологий.

Главный лозунг восстаний можно определить, как «Хватит, довольно!». Образовалась критическая социальная масса для взрыва, который и случился. В части наших властных структур бытует теория заговора, будто всё устроили американцы. Указывают на то, что сейчас они, мол, договариваются с «Братьями мусульманами». Я категорически против такой интерпретации. Да, американцы хотели реформ с тем, чтобы автократические и союзные им режимы начали постепенно преобразовываться, восстановить контакт с массами. Для этого существовал план Большого Ближнего Востока президента Буша, потом Нового Ближнего Востока Кондолизы Райс. Американцы действительно готовили, помогали молодым активистам, которые с помощью Интернет-технологий могли организовать массы. Но что из этого получилось, мы знаем.

Мы видим крушение тех режимов, которые начали складываться в 1920–30-е гг., как с партийной основой, так и без неё, с различными идеологиями. Эти режимы существовали как в Европе, так и в Америке: пионовский, насеровский, баосистский, крумовский и т.д. Но за последний исторический период были разработаны куда более эффективные средства управления, с помощью мягкой силы, прежде всего, телевидения, средств массовой информации и информационных технологий. Встал вопрос и о другой силе, которая существует в арабских странах, это сила религии, ислама. Вопрос о том, что брать у Запада –

розы вместе с шипами, т.е. западную идеологию, структуру или брать только технологии. Это два направления западников и салафитов существуют уже лет двести.

Иногда нас, экспертное сообщество упрекают в том, что мы, мол, не смогли предвидеть эти события. Признаюсь, что не ожидал такой роли Интернет-технологий во всём происходящем, но позволю себе повторить несколько фраз, которые написал лет пятнадцать назад: марксисты и либералы, панарабистские националисты и египетские шовинисты, насеристы и саддатисты, леваки и умеренные, ссорясь и мирясь, ненавидя и любя друг друга, сажая друг друга в тюрьмы или освобождая из заключения, все они постепенно стали понимать, что находятся, хотя бы временно, в одной лодке. Но их филолога, светское общество уже дала течь и её может перевернуть волна исламизма, которая вздымается всё выше. У представителей этой старой – новой волны всё другое: логика поведения, лозунги, символы, система ценностей, в целом это другой мир. В нём не остаётся места для светских деятелей другой окраски.

Думаю, что эти слова можно отнести и к нынешней ситуации в Египте.

Что происходит в арабском мире? Убеждён, что исламисты не ожидали, что им в руки упадёт власть. Они не хотели, как мне говорили сами руководители «Братьев мусульман», брать власть немедленно, потому что экономические проблемы надвигаются колоссальные, и ни нынешние правители, ни исламисты их решить не в состоянии. Все революции в истории всегда приводят к экономическому коллапсу. Так было во времена английской революции, американской, французской, русской. Другое дело, что из них могла произойти новая структура, которая позже давала мощный толчок будущему развитию, но сначала был экономический коллапс. Арабы же, раскрыв рот, ждали, что на них упадёт манна небесная. Что все деньги, якобы десятки миллиардов, которые бывшие правители вывели из этих стран, вернут и отдадут им. Когда я говорил в беседах с молодыми энтузиастами, что из Африки за время независимости вывезли почти 1 трлн долл., а вернули 1 млрд, на меня смотрели непонимающе.

Так вот, уровень жизни падает, в революциях разочарованы,

исламисты как никогда оказались близко у власти. Египет, конечно, особое общество, светские традиции всё-таки велики. Не исключено как нарастание хаоса в сторону развития гражданской войны, так и ситуация, в которой исламисты, по примеру своих братьев из Газы, просто силой возьмут власть, стукнут кулаком и начнут сажать. Существует и вариант очередного вмешательства армии.

Теперь по вопросам экономики. На Западе кризис. Оказалось, что Греции можно отвесить 120 млрд евро, а потом ещё столько же. То есть почти полностью заплатить её долги. А что в отношении Египта? В его случае «семёрка», скрипя, обещает 4 млрд, причём не наличными, а всякими гарантиями под вложения. А население этой страны – 85 млн человек. Могут ли помочь Тунису? Могут. Там те же проблемы, не такие острые, но те же. Есть надежда на помощь со стороны аравийских монархий, но они сами расколоты: то ли помогать салафитам, то есть крайним, практически ваххабитам, мусульманским экстремистам, или – Братьям мусульманам. Саудовцы помогают салафитам, а Катар – Братьям.

Причина? Дело в том, что любое лидерство Египта, даже во главе с Братьями мусульманами, рассматривается как вызов Саудовской Аравии. Кроме того, деньги, которые у Саудитов есть, тратятся на поддержание внутренней социальной стабильности. Надолго ли их хватит? Вопрос большой. В западных университетах только из Саудовской Аравии учатся примерно 120 тыс. человек. Посмотрим, что будет, когда они вернуться, ведь денег на всех может не хватить. Предтечей будущих возможных событий стали беспорядки в Кувейте и Бахрейне. В последнем восстание практически подавили.

И опять впереди возможен и хаос, и период исламистской и военной диктатуры, не исключены локальные войны. В случае экономической стабилизации события могут пойти и по турецкому варианту. Однако последний вызревал 200 лет, и к нынешней ситуации Турция пришла на волне успешного экономического развития. Нам необходимо осознать, что если взять экспорт без нефти, газа, леса и металла, турки экспортируют больше России. Это к вопросу о том, где сейчас мы, а где турки.

Другой пример: товарооборот России со всей Африкой не дотягивает и до 10 млрд долл., а у Турции – 16 млрд. При этом, по моему, к ним вернулось османское высокомерие, они во внешней политике поссорились со всеми своими соседями. Вместо того чтобы по отношению к Сирии занять патерналистскую позицию, проявить желание примирить стороны конфликта, турки заняли антиалавитскую позицию, возможно, по внутренним соображениям, ведь в числе главных оппозиционных сил в Турции – алавиты. Но что получили? Границу с курдами, которая составляет с Ираком 300 км, теперь «продлили» ещё на 500 км. В турецком парламенте министр иностранных дел страны был подвергнут резкой критике.

Вероятно, режим Асада в той или иной форме обречён, но ситуация тупиковая. За Асадом армия, которая его поддерживает, – то, чего не было у Каддафи. А Запад в военном плане не хочет вмешиваться. Приватно западные специалисты говорили мне, как хорошо, что Россия заблокировала резолюции по Сирии, иначе западным странам пришлось бы втянуться в военные действия; пусть турки это делают. Но дело в том, что они этого также абсолютно не хотят, проявляют сдержанность, умерили свой первоначальный пыл. В результате события приобретают вялотекущий характер.

Конечно, Европа заинтересована в стабилизации Большого Ближнего Востока. Какими путями её удастся достичь – вопрос, предполагающий несколько возможных ответов. Одно лишь хочу подчеркнуть: необходимо самое пристальное внимание уделять изучению последствий практического применения информационных, Интернет-технологий. Они формируют новые методы руководства, новые методы власти, новую психологию людей, которые пользуются социальными сетями.

*В.В. Наумкин**

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

* Наумкин Виталий Вячеславович, член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН.

То, что сегодня мы наблюдаем в мире, и есть кризис глобального управления, который проявляется на региональном, страновом, на самом глобальном уровне. Здесь проявляются многие противоречия, связанные со сложностями процесса глобализации, модернизации тех традиционных обществ, которые в этом регионе живут. В течение многих лет они сохраняют свою идентичность и сопротивляются всяческому навязываемым цивилизационным концептам, моделям. Мир сталкивается и с нерешёнными проблемами в международном праве, в международной практике, проблемами, связанными с национальным суверенитетом и теми новыми понятиями гуманитарной интервенции, «ответственности по защите» и другими, которые сегодня уже реально применяются.

Не менее проблемны неясности, связанные с реализацией права на самоопределение, с одной стороны, и с уважением территориальной целостности и суверенитета государств, с другой, с кризисом тех традиционных систем, которые в течение долгих лет были ведущими в международном сообществе. В этой связи необходимо сказать, что само понятие национального государства совершенно очевидно трещит по швам, хотя и сохраняет свою силу в виду того, что достойной замены ей пока нет, хотя интеграция, безусловно, модна и представляет собой значительные вызовы нации-государству.

Что касается Ближнего Востока, то этот регион, действительно, бросает серьёзный вызов международной безопасности. Имеется множество сценариев развития ситуации от самых пессимистических до достаточно оптимистических. Я же остановлюсь на формирующихся реалиях. Прежде всего, это выход на политическую арену исламистских организаций, которые создают для нас парадоксальную ситуацию. В крупнейшей стране арабского мира – Египте – правят Братья мусульмане, которым помогают более консервативные салафиты. Президент Египта – брат-мусульманин, а движение Братьев мусульман до сих пор в России остаётся в списке террористических организаций. Эту не-лепость пока не удаётся устранить, потому что отдельные элементы этой организации участвовали в поддержке чеченских сепаратистов, во время войны поставляли

туда деньги, человеческие ресурсы, боевиков.

В целом гроза экстремизма, религиозного терроризма сегодня только возрастает. С одной стороны, нам совершенно очевидно нужно мириться, налаживать отношения с этими новыми силами; с другой стороны, угроза исламистских организаций для нас крайне остра. Их миссионеры уже проникли не только на Кавказ, но и на территорию Урала, Поволжья, в центральные регионы России. Сегодня в Афганистане с американцами на стороне талибов воюют джамааты, среди которых есть и татарский джамаат, чего никогда раньше не было, есть добровольцы, которые уезжают туда семьями из центральных районов России. Почему они это делают, по большому счёту, даже тем, кто профессионально занимается данными вопросами, понять трудно. Бесспорно то, что это не только деньги.

Конечно, не все склонны драматизировать ситуацию. Так, последний прогноз Национального совета по разведке США прогнозирует к 2030 г. значительное снижение террористической угрозы исламского характера. Авторы документа считают, что она будет сходиться на нет в связи с трансформацией интересов исламистов, которые будут инкорпорированы в международное сообщество. Отчасти этими оценками объясняется политика американцев по налаживанию всевозможных контактов в исламском мире. У нас же пока это не получается.

Другая угроза, исходящая с Ближнего Востока, это оружие массового уничтожения. Хотя необходимо учитывать, что эта тема чрезвычайно политизирована и зачастую раздувается совершенно несправедливо. Убеждён, что иранцы на ближайшее время задачу по созданию ОМУ перед собой не ставят. Израильские же военные жёстко ставят вопрос о том, что военная операция – единственная возможность остановить Иран, они всё больше не только говорят об этом, но и реально готовятся. В разговорах с нами, когда мы отговариваем от этого безрассудного шага, слышим – мы на 4-5 лет отбросим Иран назад, а там будет видно, утверждают, что риск иметь ядерный Иран гораздо больше, чем все риски, связанные с военной операцией, даже если её придётся проводить Израилю в одиночку.

С другой стороны, господин З. Бжезинский в недавно

опубликованной статье высказал идею о том, что риски, связанные с военной операцией против Ирана, гораздо выше всех рисков, связанных со сдерживанием ядерного Ирана. И Кеннет Уолтц в своей статье в «Foreign Affairs» (июль – август 2012) написал о том, что ядерный Иран это ещё не конец света. В России этот вопрос на экспертном уровне пока не решён. Ни на экспертном, ни на уровне лиц, принимающих решения, у нас до сих нет понимания того, какой Иран нам нужен. Если приемлемо и можно жить с ядерным Ираном, то какова должна быть стратегия? На мой взгляд, сценарий проживания с ядерным Ираном должен быть хорошо обоснован, рассмотрен и должен быть сценарный подход, который, видимо, у американцев есть.

Теперь о Сирии. Дела для властей страны идут в негативном русле, несмотря на то что пока режим держится, армия достаточно сильна, триста с лишним тысяч человек, разговоры об огромном количестве дезертиров – чушь. Дезертирства массового нет, и не было ни одного случая перехода какого бы то ни было подразделения или части на сторону противника. Но американцы признали коалицию оппозиционных сил, этот процесс признания пойдёт дальше по всему миру. Ситуация для нас крайне тревожная. Американцы, конечно, отдают себе отчёт в том, что существует возможность прихода к власти в Сирии радикальных исламистов. Поэтому они будут пытаться их нейтрализовать, опираясь на те силы, которых изучают и с которыми планируют сотрудничать. Однако высока вероятность того, что они наступят на те же грабли, что и в Афганистане.

В ходу всяческие мифы, информационная война. Я был недавно на Манамском диалоге в Бахрейне, который устраивает лондонский Международный институт стратегических исследований. В своём выступлении британский министр иностранных дел Уильям Хейг заявил, что Ассад вот-вот применит химическое оружие и надо этому противостоять. То же самое говорят американцы. Это полная чепуха. Во-первых, он не самоубийца, он рациональный человек; против кого он будет использовать такое оружие? Это ему не даст победы, но превратит в изгоя. Подбрасывают утку, что отец Асада в 1982 г. якобы использовал

химоружие против своего населения. В действительности ничего подобного не было. В спорах с англичанами я спрашиваю, знаете ли вы, что было два случая применения на Ближнем Востоке химического оружия? Они с готовностью говорят, что это, конечно, Саддам Хусейн в операции против курдской деревни Халаджа. А какой второй случай? Англичане молчат. Оказывается, это были британцы, когда в 1917 г. применили химическое оружие против турок на Синайском полуострове. Не все британские дипломаты об этом знают. Или делают вид, что не знают.

В связи с Сирией существует и проблема миграции. В Россию уже просятся сирийские черкесы, их примерно 100 тыс. человек, большая группа. Мы их принять, естественно, не можем, и не готовы. Неизвестно, кто сюда по большому счёту приедет. Была в своё время из Косово группа адыгейцев, которых приняли в Адыгее, но они все уже обратно уехали, потому что жить там не смогли. Второго такого эксперимента не будет. Когда В.В. Путин был в Турции, там прошла демонстрация черкесов, протестовавших против того, что их не пускают в Россию. А ещё в Сирии есть 150 тыс. армян, с которыми тоже надо что-то делать. Там огромное количество православных христиан. А если Россия великая православная держава и наша РПЦ декларирует свою ответственность за православие в мире, то надо по логике вещей помогать. Пока Запад этим занимается, а не Россия. Кроме того, в Сирии есть порядка 80-90 тыс. членов смешанных семей, так как многие сирийцы женились на русских женщинах.

В то же время проблема сирийских беженцев раздувается. Их, действительно, много, они бегут от войны, но никто не вспоминает о том, что после 2003 г., когда пошёл гигантский поток беженцев из Ирака после вторжения американцев и натовской коалиции, миллион человек оказался в Сирии и им дали возможность там существовать. Так что, опять же двойные стандарты, опять же информационные войны и всё та же идея гуманитарной интервенции. Есть, конечно, разумно мыслящие люди на Западе, которые понимают издержки, связанные с тем, что происходит в Сирии. Среди них Генри Киссинджер, который даже про Каддафи сказал, что тот был сукин сын, но хотя бы страну держал вместе.

Насчёт стратегической глубины. Этот тезис в ходу и на Ближнем Востоке. Об этом говорили пакистанцы применительно к Афганистану. Они рассматривают его, как свою стратегическую глубину, так же, как Турция смотрит на Сирию, желая там доминировать. Есть такой термин «афпак», т.е. Афганистан плюс Пакистан. Сегодня можно говорить о «турсири», то есть о геополитическом формировании Турция плюс Сирия. И в заключении подчеркну, что сценарий хаоса и распада национальных государств на Ближнем Востоке является возможным и крайне тревожным для России. Нам необходимо проигрывать такие сценарии и быть готовыми к любому развороту событий.

*Е.П. Бажанов**

ЧТО ЖДЁТ РОССИЮ НА ВОСТОКЕ?

Россия уделяет возрастающее внимание Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Во-первых, потому что регион превращается в ведущий центр экономического развития и, как следствие, мировой политики. Во-вторых, в силу того, что Россия – неотъемлемая часть АТР, $\frac{2}{3}$ нашей территории находится в Азии. В-третьих, восточные районы России являются кладовой природных ресурсов, но остро нуждаются в модернизации, которая невозможна без участия соседей. В-четвёртых, партнёрство с государствами АТР способствует укреплению российских позиций в отношениях с Западом, проведению Москвой независимой, самостоятельной и эффективной многовекторной внешней политики.

Нынешняя ситуация в целом благоприятствует нашим интересам; в АТР нет блоков или стран, которые демонстрировали бы в отношении России враждебность и агрессивность; мы напрямую не втянуты в локальные конфликты; присутствует предрасположенность к экономическому и политическому сотрудничеству с нами. Вместе с тем в регионе имеются проблемы, которые затрагивают наши интересы и требуют соответствующей реакции.

* Бажанов Евгений Петрович, д.и.н., профессор, ректор Дипломатической академии МИД России.

Изменение баланса сил между тихоокеанскими державами, борьба за лидерство.

Поднимающийся китайский исполин бросает вызов доминированию Соединённых Штатов и провоцирует со стороны последних всё новые контрмеры. Не менее нервно реагирует на усиление Китая Токио, который интенсифицирует оборонное сотрудничество с Вашингтоном. Разворачивающееся геополитическое соперничество подстёгивает военные приготовления средних и малых стран. При этом большинство из них предпочитают сохранение в АТР лидерства США. Их пугает перспектива милитаризации Китая.

Борьба за лидерство чревата дальнейшим нагнетанием напряжённости, раскручиванием маховика гонки вооружений, усугублением локальных конфликтов, срывами экономического сотрудничества. Не желающая участвовать в этом соперничестве Россия может превратиться в «политическую карту» в планах ведущих игроков.

Региональные «узлы» напряжённости:

– ***Спор с Японией по Южным Курилам.*** Это единственный спор в АТР, в котором Россия является непосредственным участником. Задача заключается в том, чтобы продвигать российско-японские отношения вперед независимо от этого спора. Такое возможно с учётом заинтересованности японцев на нынешнем этапе в добрососедстве с Россией (из-за экономических затруднений, нарастающих трений между Токио и Пекином и т.д.).

– ***Корейский вопрос.*** Обстановка на Корейском полуострове остаётся взрывоопасной. Единственный путь удержания её под контролем – преодоление Северной Кореей глубокого социально-экономического кризиса, её выход из международной изоляции, налаживание отношений мирного существования между Севером и Югом. В наших интересах развивать сотрудничество с обеими Кореями, продвигая, в частности, совместные экономические проекты.

– ***Тайваньская проблема.*** Набирающая обороты разрядка в отношении Пекина с Тайбэем отвечает нашим интересам, открывая дополнительные возможности для экономического взаимодействия России с Тайванем. При этом мы должны твёрдо при-

держиваться обязательств, не иметь официальных политических и военных контактов с Тайбэем.

– **Споры из-за островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском море.** Территориальные споры между третьими странами не способствуют обеспечению наших интересов в области безопасности и экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не ввязываясь в эти споры на чьей-либо стороне, российская дипломатия могла бы поощрять спорящих к мирному, упорядоченному преодолению разногласий.

Контроль над ядерными и обычными вооружениями:

– **Ракетное и ядерное оружие КНДР.** Обладание Пхеньяном этим оружием приведёт к дальнейшему обострению напряжённости в Северо-Восточной Азии, новому мощнейшему витку гонки вооружений с участием Японии, Южной Кореи и США, к повышению вероятности ядерного конфликта у дальневосточных границ РФ. Необходимо добиваться отказа Северной Кореи от ракетно-ядерных приготовлений в обмен на гарантии её безопасности со стороны США. Оптимальная «площадка» для урегулирования этого комплекса вопросов – «шестёрка» (КНДР, Республика Корея, Россия, Китай, США, Япония).

– **Военные приготовления стран АТР. Международная торговля оружием.** Военные приготовления в АТР продолжают высокими темпами. Эта тенденция в любом случае неблагоприятна, тем более, с учётом того, что российский военный потенциал на Дальнем Востоке сократился. Вклад Москвы в обуздание гонки вооружений в регионе мог бы выразиться в ещё более настойчивом «проталкивании» мер доверия через различные каналы. Важно также добиваться создания адекватного режима торговли оружием в АТР. С особой тщательностью стоит подходить к передаче военной техники азиатским соседям, принимая во внимание не только собственную безопасность, но и реакцию окружающих стран. В долгосрочном плане сомнительна правильность ориентации на военные поставки в Азиатско-Тихоокеанский регион как на важнейшую статью экспорта.

Социально-экономические и другие проблемы глобального порядка:

– **Отставание восточных районов России в экономиче-**

ском развитии. Это отставание может вырасти в угрозу национальной безопасности: соседи перестанут с Россией считаться и превратят российский Дальний Восток и Сибирь в объекты давления, демографической и экономической экспансии. Переломить негативную тенденцию мы самостоятельно не в состоянии. Речь должна идти о развитии региона совместными усилиями с зарубежными партнёрами.

– **Финансовый кризис** затронул Азиатско-Тихоокеанский регион в меньшей степени, что следует использовать для интеграции России в регионе, более энергичного привлечения соседей к модернизации Сибири и Дальнего Востока. Важен для нас и восточноазиатский опыт преодоления кризисных явлений.

– **Другие проблемы глобального порядка**. Развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе сопровождается целым «букетом» негативных последствий: истощением ресурсов, деградацией окружающей среды, неконтролируемым ростом населения, переборами в продовольственном снабжении, безработицей. Регион сталкивается с явлениями терроризма, наркоторговли и т.д. Решать глобальные проблемы в одиночку нереально, поэтому России следует ещё активнее выдвигать предложения по их решению в повестке дня двусторонних отношений с государствами АТР, продолжать настаивать на создании региональной системы экономической безопасности.

* * *

Анализ ситуации приводит к выводу о желательности излагаемой ниже российской стратегии.

Политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе должна быть увязана с удовлетворением наших интересов на других направлениях. Нельзя допускать, чтобы российские действия на Востоке наносили ущерб контактам с Западом и наоборот. Иначе говоря, предпочтителен сбалансированный внешнеполитический курс.

Следует добиваться сбалансированности нашей политики и внутри Азиатско-Тихоокеанского региона. Имеются возможности для налаживания тесных отношений со всеми государствами этой части земного шара. Нам не стоит «раскачивать лодку», подрывая сложившийся в АТР статус-кво. Большинство регио-

нальных государств сохраняют приверженность нынешней системе международных отношений. Форсированное изменение баланса сил может толкнуть регион в пучину холодной войны.

Разумнее делать акцент на созидательной работе, посредничая в распутывании узлов напряжённости, активно добиваясь укрепления режима нераспространения ОМУ, обуздания гонки обычных вооружений. Особое значение следовало бы придавать формированию многоярусной сети многосторонних диалогов и форумов безопасности, выработке механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов.

При этом нецелесообразно пытаться возглавить процессы становления коллективной системы безопасности. Надо также учитывать предрасположенность большинства стран АТР к постепенным действиям, к неформальным договорённостям.

Необходимо исходить из того, что преодоление отсталости восточных районов РФ является не только первоочередной социально-экономической задачей, но и проблемой, напрямую связанной с обеспечением нашей национальной безопасности и территориальной целостности. Признавая также, что мы не в состоянии поднять этот край собственными силами, надо опираться на соседей, прежде всего на Китай, Японию, Южную Корею для привлечения на Дальний Восток и в Сибирь зарубежных капиталов, рабочей силы и технологий.

*А.А. Токовинин**

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ДУГА НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Свои рассуждения хотел бы построить не как официальный представитель МИД, а в личном качестве – как человек, уже несколько десятков лет наблюдающий за развитием ситуации на Ближнем Востоке.

Общепризнанно, что мир сегодня вступил в полосу стремительных перемен. Вполне возможно, что речь идёт о начале но-

* Токовинин Александр Аврельевич, директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России.

вого исторического этапа, связанного в том числе с перераспределением на глобальном уровне баланса сил. Это предполагает болезненную переналадку международных отношений, и неудивительно, что процесс формирования новой полицентричной системы глобального управления вступил в зону турбулентности.

Одним из наиболее очевидных проявлений нестабильности в международных отношениях являются события на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Этот регион превратился в нервный узел мировой политики, данная тема обсуждается на всех международных переговорах и политических консультациях.

В этой связи постановка вопроса о перспективах эволюции обстановки на Ближнем Востоке является крайне своевременной. Хотя вместе с тем понятно, что подготовка прогнозов на крутом историческом повороте – дело крайне сложное, тем более, когда речь идёт о ближневосточной политике, которую и раньше было принято сравнивать с зыбучими песками.

Прежде всего, хотел бы высказать несколько соображений, касающихся анализа причин потрясений в арабском мире. Наблюдаемый сегодня ренессанс исламского самосознания, без сомнения, напрямую связан с процессами глобализации. Почти 20 лет назад С. Хантингтон заметил, что развитие этих процессов неминуемо обернётся усилением значения фактора цивилизационной идентичности, стремлением опереться на свои цивилизационные корни с тем, чтобы не раствориться в мощном тренде унификации различных сторон жизни.

Со стороны внешних игроков на протяжении последних двух десятилетий неоднократно предпринимались попытки «отформатировать» ближневосточный регион, снизить там потенциал конфликтности и сделать его более приспособленным для задач современного развития. Собственно, такое стремление было одним из стимулов запуска ближневосточного мирного процесса на Мадридской конференции и затем усилий по приданию нового более демократического облика «Большому Ближнему Востоку». Не будем забывать и о том, что идеологи военного вторжения в Ирак в 2003 г. ставили перед собой цель превратить эту страну в витрину успешных демократических преобразований в соответствии с принятыми на Западе представлениями.

Сегодня можно констатировать, что все эти попытки результатов не дали. Собственно, провал, например, иракской операции изначально предвиделся специалистами по региону, причём, не только в России и арабском мире, но и в самих США. Хотя последние, разумеется, не могли оказать существенного противодействия проводимой в Вашингтоне «генеральной линии».

Думаю, что у всех здравомыслящих экспертов есть общее понимание того, что фундаментальная ошибка наших западных партнёров, и прежде всего американцев, заключалась в попытке выполнить в целом понятную задачу повышения эффективности социально-экономических и политических систем арабских государств негодными средствами, путём пересаживания на ближневосточную почву политических традиций, выросших и сформировавшихся в принципиально иных условиях. Кстати, Ф. Фукуяма, выступавший в своё время идеологом окончательной победы западной системы ценностей, в последние годы достаточно убедительно доказывает, что лозунг Дж. Буша-младшего об имманентно присущем всему человечеству стремлении к реализации демократических принципов данными статистики не подтверждается.

Что действительно присуще людям по всему миру – это стремление к благополучию, созданию комфортной среды обитания и нормальных условий для воспитания детей, к стабильности и справедливости. В этой связи высказывают мнение, что именно последовательная и кропотливая поддержка принципов надлежащего управления могла бы более уверенно, чем содействие демократическим переворотам, способствовать переменам к лучшему в развивающихся странах. Мне кажется, трудно не согласиться с таким подходом.

Однако получилось то, что получилось. Вместо постепенных, эволюционных перемен в целом ряде арабских государств произошли взрывные события, разрушившие авторитарные светские режимы. Совершенно естественно, что в условиях ослабления жёсткого контроля со стороны властей на политическую авансцену вышли силы, которые пользовались наибольшей поддержкой в обществе. А это именно исламистские группы, в первую очередь «братья-мусульмане». Понятно, что такие резуль-

таты имеют мало общего с разговорами о «второй волне» демократических революций, сходной по своему характеру с событиями, происходившими в Восточной Европе в начале 1990-х гг.

Многие исследователи в последнее время отмечают, что русские и американцы как бы поменялись местами в международных делах, и теперь уже не Россия, а США являются глашатаями революционных преобразований, в то время как наша страна, наоборот, стоит на страже международной стабильности и верховенства права в международных делах, отстаивает ключевые принципы Устава ООН, такие как суверенитет и территориальная целостность государств, невмешательство в их внутренние дела, мирное урегулирование споров.

И дело здесь, разумеется, не в том, что Россия «по инерции» противостоит западному влиянию и стремится сорвать любые иницилируемые США проекты. Мы искренне желаем арабским народам успехов в утверждении более демократических и эффективных моделей политического устройства и экономического развития. Просто в современных условиях такие модели в общих рамках рыночной экономики и демократических принципов носят множественный характер и должны быть продуктом внутренней эволюции соответствующих обществ.

Если говорить о прогнозе развития ситуации на Ближнем, Среднем Востоке и в Северной Африке, то он, как представляется, является довольно неутешительным. Всё говорит о том, что полоса потрясений в регионе продолжится, скорее всего, в течение ряда лет. Есть все основания предполагать, что правящие режимы поменяются ещё не в одной стране. Видимо, нет «прививки» от перемен и у тех стран региона, кто спонсирует сегодня «арабских революционеров».

Нельзя исключать, что продолжающаяся череда кризисов на Ближнем Востоке вызовет трудно предсказуемые изменения в геополитическом ландшафте региона. Особую опасность в этой связи представляет вооружённый конфликт в Сирии. При неблагоприятном сценарии междоусобица в этой стране может стать детонатором возобновления с новой силой межобщинных столкновений на обширном пространстве, включающим Ливан, Иорданию, Ирак. Возможны такие повороты, как прекращение

существования государств в привычных, унаследованных от колониальной эпохи границах. Нельзя забывать, разумеется, о курдской проблеме, обострение которой весьма вероятно в случае продвижения Сирии по пути дезинтеграции.

Очевидная примета происходящего – усиление активности экстремистских сил, включая группировки, связанные с Аль-Каидой. По некоторым данным число боевиков, представляющих «интернационал» исламских радикалов, которые воюют сегодня в Сирии, составляет порядка 10 тыс. человек.

Внимания в данном контексте требует ситуация в сахаро-сахельской зоне. События в Мали, генезис которых непосредственно связан с ситуацией в Ливии, демонстрирует направление возможного развития обстановки. Высказываются опасения возникновения в Сахеле государств, управляемых террористами.

Многие собеседники, с которыми приходится встречаться в регионе, отмечают особую опасность обострения противоречий не только на межрелигиозном уровне, но и внутри ислама, между суннитами и шиитами. Не исключено, что в случае успеха группировок сирийской оппозиции, контролируемых Братьями-мусульманами в их борьбе за власть в Дамаске, иракские сунниты могут попытаться взять реванш с вовлечением в противостояние Ирана и перспективой серьёзного регионального конфликта. Такого рода сценарий означал бы по сути откат к войнам средневекового типа, которые, как известно, трудно поддаются политическому урегулированию.

Понятно, что в случае разрастания кризиса на Ближнем Востоке не сможет остаться в стороне Израиль. Усиление исламистских группировок во власти в арабских странах лишь укрепляет антиизраильские настроения, тем более что мирный процесс пока остаётся в тупике. Не вызывает сомнений, что Израиль сохраняет уверенное военное превосходство над всеми соседями, но это не избавляет его от вполне реальных угроз. Речь может идти и о попадании ОМУ в руки экстремистов, и о массовых беспорядках на палестинской территории по типу новой интифады, и об обострении обстановки на границе с Ливаном и на линии прекращения огня с Сирией.

Подобный кризисный «букет» может быть только усилен в случае военной акции со стороны стран НАТО либо США и Израиля – будь то вторжение в Сирию или удар по Ирану.

Представляется близоруким расчёт США сохранить базовые элементы своих позиций в регионе, пустив развитие событий по пути тиражирования «турецкой модели». Непростое развитие событий в крупнейшей арабской стране – Египте – сегодня вызывает особое беспокойство. Ясно, что влияние США и Евросоюза на Ближнем Востоке уже не будет таким, как раньше, уменьшится их способность воздействовать на ход событий в регионе. Похоже, всю сложность и неоднозначность ситуации начинают лучше понимать в США, что отражается в некотором движении американцев в сторону отхода от чёрно-белых клише в отношении сирийского кризиса, в их приближении к более реалистичным взглядам на основе Женевских договорённостей.

Разумеется, нельзя не учитывать и такой аспект, как снижение зависимости США от импорта энергоносителей с Ближнего Востока. Сегодня ближневосточные углеводороды составляют лишь 9% американского рынка, а в перспективе в случае успешного продолжения «сланцевой революции» эта цифра будет стремиться к нулю, что может обернуться уменьшением внимания американцев к происходящему на Ближнем Востоке. Разумеется, не всё здесь однозначно – есть и крупные вложения стран Залива в американскую экономику, и обязательства США по обеспечению безопасности Израиля, и многие другие аспекты, но, тем не менее, упомянутая тенденция может оформиться в предстоящие годы, тем более с учётом заявленного Вашингтоном переноса стратегического внимания в Азиатско-Тихоокеанский регион. Хотя, конечно, Ближний Восток – не сектор Газа, стеной его не огородишь, и кризисы в регионе всё равно будут занимать одну из верхних строчек в международной повестке дня.

Что касается действий России, то нам, очевидно, следует продолжать проводить уравновешенную, сбалансированную линию, поддерживая народы региона в их стремлении продвинуться по пути политических и социально-экономических преобразований и одновременно содействуя мирному урегулированию конфликтов. Должен быть продолжен курс на развитие отношений с те-

ми правительствами, которые находятся у власти в странах региона. Разумеется, Россия будет и далее активно участвовать в совместных с другими международными игроками усилиях по стабилизации обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке. Наша позиция пользуется возрастающей поддержкой в том числе потому, что она опирается на чёткие принципы: строгое следование нормам международного права, отказ от поддержки силового вмешательства без чётко сформулированного мандата Совета Безопасности ООН, который может пойти на этот шаг только в качестве крайней меры. Важно, чтобы международное сообщество оставалось на позициях последовательного противодействия терроризму и экстремизму, добивалось обеспечения прав этнических и конфессиональных меньшинств.

Попытки рассорить Россию с арабским миром, в том числе используя для этого сирийский кризис, по существу провалились. Справедливость и непредвзятость нашего подхода слишком очевидны, чтобы их можно было долго замазывать. Наша страна, которая не имеет колониального прошлого в регионе и занимает понятные и разумные позиции в отношении его проблем, включая арабо-израильское урегулирование, будет и далее востребована как одно из важных действующих лиц в непрестом процессе обретения регионом нового облика.

*Ю.И. Рубинский**

«ПЕРЕСДАЧА КАРТ» НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ

Хотелось бы обратить внимание на некоторые нюансы, наметившиеся в последние два-три года в подходе ряда стран-участниц ЕС к событиям в регионе Ближнего Востока, получившим название «арабская весна».

Между ведущими державами Евросоюза, как и их менее весомыми партнёрами, налицо явное размежевание, линии которого сегодня выглядят совершенно иначе, чем 10 лет назад в момент развязывания США войны в Ираке. Тогда американцев

* Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., рук. Центра французских исследований ИЕ РАН.

твёрдо поддержали Великобритания и наиболее лояльные члены НАТО, особенно «новички» – страны ЦВЕ, недавно вступившие в альянс. В то же время Германия дистанцировалась от них, а Франция прямо осудила американскую авантюру в ООН.

Спустя 10 лет, с началом революций «арабской весны» ситуация круто изменилась. В ходе гражданской войны в Ливии наиболее активной сторонницей и участницей вооружённой интервенции на стороне противников режима Каддафи оказалась Франция при поддержке Великобритании. В свою очередь, США предпочли ограничить своё участие технической поддержкой и «управлением с заднего сиденья». Германия и Польша вообще дистанцировались от конфликта и воздержались на голосовании по резолюции ООН в отношении Ливии.

Похожий расклад сил сложился и в связи с гражданской войной в Сирии. Именно Франция при поддержке Великобритании вновь проявляет наибольшую активность в оказании политической, а отчасти и материальной поддержки противникам режима президента Б. Асада. США предпочитают более сдержанный, осторожный подход, опасаясь вооружения связанных с Аль-Каидой радикальных исламистов. Германия тщательно избегает втягивания в конфликт.

Причины эволюции политики США очевидны. Плачевные итоги войн в Ираке и Афганистане, сопряжённые с колоссальными издержками на фоне мирового финансово-экономического кризиса, побудили Вашингтон приступить к реформатированию структуры своего глобального военного присутствия. Приоритет отныне отдаётся Азиатско-Тихоокеанскому региону с учётом вызовов растущей мощи Китая.

Разумеется, это не означает полного ухода США из Европы и Ближнего Востока. Речь идёт лишь о частичной перестановке сил с учётом изменившихся мировых реалий и ограниченности материальных средств. Однако такое изменение акцентов делает необходимым некоторое уточнение отношения американцев к их европейским союзникам по НАТО.

На протяжении всей холодной войны США не раз ставили вопрос об увеличении вклада европейских партнёров в военный потенциал Североатлантического союза, но категорически

отвергали при этом встречные просьбы о расширении их роли в выработке стратегии НАТО.

Сегодня позиция Вашингтона становится более гибкой. Европейцам предлагают поделить более равномерно не только финансовое бремя (на них приходится ныне менее трети расходов Альянса), но и взять на себя ответственность за «горячие точки» планеты, прежде всего в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Африке.

Между тем острейший долговой кризис южной периферии еврозоны заставил страны ЕС урезать бюджетные расходы, в том числе на оборонные нужды, не достигающие ныне официальной нормы НАТО (2% ВВП). Вдохновителем курса на «строгую экономию» является главный тяжеловес Евросоюза – Германия, чьи военно-политические интересы за пределами Европы гораздо менее значимы, нежели торгово-экономические. Поэтому Берлин, а вслед за ним многие другие члены ЕС, не проявляет особого энтузиазма по части более сбалансированного передела ответственности, рисков и расходов в рамках НАТО и, тем более, за пределами зоны действия Североатлантического альянса.

Несмотря на то что финансовое положение Франции и Великобритании менее стабильно, чем Германии, в Париже и Лондоне ребалансировка глобального военно-политического присутствия США нашла более позитивный приём, прежде всего в том, что касается регионов Средиземноморья, Ближнего Востока и Африки, которые в своё время были сердцевиной двух крупнейших колониальных империй мира – британской и французской. Именно они после Первой мировой войны поделили между собой после долгого соперничества наследство Османской империи. После Второй мировой войны в ходе деколонизации обе империи распались.

Попытка повернуть ход событий вспять – высадка франко-британского десанта в Суэце в ответ на национализацию А.Насером Суэцкого канала (1956 г.) – закончилась полным провалом; она столкнулась с решительным отпором обеих сверхдержав биполярного мира – США и СССР, для которых Ближний Восток стал одним из важнейших театров глобальной холодной войны. С её окончанием ведущим игроком на ближ-

невосточной сцене надолго стали Соединённые Штаты, опиравшиеся на прозападные авторитарные, но светские режимы, причём как Великобритания, так и особенно Франция наладили с ними достаточно эффективное сотрудничество.

Крушение этих режимов под ударами революций «арабской весны» оказалось для французов и англичан полной неожиданностью. Выдвинутый незадолго до этого президентом Франции Н. Саркози проект Средиземноморского союза, по существу провалившийся, опирался именно на эти прогнившие, коррумпированные режимы – недаром пост его сопредседателя предлагался президенту Египта Х. Мубараку буквально за полгода до его свержения. Каддафи, Бен Али, Асад в своё время посещали Париж, где принимались с большой помпой.

С учётом этого резкий поворот Парижа и Лондона к поддержке, в том числе силовой, революционеров «весны» был по-своему логичен. Он диктовался стремлением любой ценой отмежеваться от прежних обанкротившихся партнёров и срочно заручиться доверием их преемников. Тем более что в обстановке анархии к власти грозили прийти антизападные исламисты – от Братьев мусульман до радикальных салафитов, если не Аль-Каиды.

Между тем США, приступившие к перемещению центра тяжести своей глобальной стратегии с Атлантики на Тихий океан, начав вывод войск из Ирана и Афганистана, не спешили ввязываться в военные действия в ещё одной мусульманской стране. Вполне естественно, что в таких условиях среди западных держав-участниц НАТО и ЕС роль наиболее активных игроков на ближневосточном поле в какой-то мере снова взяли на себя Франция и Великобритания.

Речь не идёт, разумеется, об их попытке взять реванш за Суэц, вернув регион под контроль его бывших колониальных властителей. Для этого у Парижа и Лондона нет ни малейших шансов, да и материальных средств. Характерно, что в обоих многосторонних форумах по решению ближневосточных региональных конфликтов («квартета» по арабо-израильскому урегулированию и «шестёрке» по ядерному досье Ирана) французы

и англичане не проявляют себя сколько-нибудь заметными самостоятельными участниками.

Налицо начало процесса перераспределения обязанностей между США и их европейскими партнёрами по НАТО на фоне общей «пересдачи карт» на глобальном уровне. О том же говорят и синхронный возврат Франции в интегрированные командно-штабные структуры НАТО, и подписание франко-британского Ланкастерского соглашения 2010 г., призванного компенсировать ограничение оборонных расходов сторон с помощью частичного объединения военных комплексов двух стран.

Если более полувека назад в условиях биполярного мира США бесцеремонно вытесняли французов и англичан из их традиционных сфер влияния, то в нынешнем многополярном мире между ними намечаются новые формы и условия взаимодействия в «горячих точках» планеты – если не равноправные, то, во всяком случае, более сбалансированные.

ВЫЗОВЫ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

*В.М. Давыдов**

НОВЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ – ДОСТУП К МЕХАНИЗМАМ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Хотел бы начать с того, что мне не нравится термин «глобальное управление». Придерживаюсь точки зрения, что история была спонтанна и продолжает оставаться спонтанной. У политического же класса завышенное самомнение; уроки и давней истории, и нынешней подтверждают это наблюдение. Более того, мы живём в переходную эпоху, когда происходит смена парадигм, и спонтанность истории только возрастает. Предпочтительнее термин «глобальное регулирование».

Для того чтобы рассуждать о терминах, необходимо дать им определение. С моей точки зрения, глобальное регулирование это способность контролировать глобальные процессы, кор-

* Давыдов Владимир Михайлович, член-корреспондент РАН, директор Института Латинской Америки РАН.

ректировать их траектории, используя средства жёсткой и мягкой силы, международное право и международные институты. Мы более-менее едины в том, что прежняя система глобального регулирования себя исчерпала, и общество, человечество ищет новые пути. Эти поиски также осуществляются во многом спонтанно. Рождается много организаций, которые стремятся оказаться в центре принятия глобальных решений, но не в состоянии их монополизировать.

Наиболее созидательная предпосылка для глобального регулирования заложена в Организации Объединённых Наций. Она действительно не имеет альтернативы. Тем не менее, возросшая спонтанность, появление новых нестандартных вызовов требует модифицировать ООН для эффективной борьбы с изменением климата, международной преступностью, транснациональным наркотрафиком, защиты окружающей среды.

Происходит новое структурирование международной среды с появлением новых механизмов – Большой восьмёрки, Большой двадцатки, БРИКС и т.д. Это естественный процесс, объективный, поскольку речь идёт о действии закона неравномерности развития. В коллективной монографии Отделения глобальных проблем и международных отношений «Россия в полицентричном мире» в разделе «Новые центры» мы на основе большого статистического материала это наглядно показали. Что стоит в центре этой неравномерности? Как её объяснить? Представляется, что главным образом – динамикой издержек производства, соотношением издержек, их композицией, которая, меняясь, выводит на переднюю линию в процессе экономического развития совершенно новые государства и силы.

В этой связи важен вопрос о национальном государстве. Распространена точка зрения, что государство-нация вроде бы сходит с международной арены, происходит его эрозия. Однозначно так утверждать нельзя, поскольку для государств – новых центров силы – особая роль центральной власти является одной из предпосылок их выдвижения на передовые позиции. В их случае наоборот происходит усиление функций государства, его консолидация. Это относится и к Китаю, и к Индии, и к Бразилии. Россия – вопрос отдельный.

Новое структурирование мира рождает новые механизмы управления. Какие-то из них подтвердят свою жизнеспособность, какие-то не пройдут испытание временем. Спонтанность истории будет диктовать свои условия. Вместе с тем, неверно заикливаться на уровне глобальном. Мы все ждём, что именно там появится некая структура, которая выполнит миссию всеобщего регулирования. Структурирование же идёт через регионы. Если посмотреть на интенсивность появления новых международных структур, то активнее всего это происходит именно на региональном уровне. Залог развёртывания этого процесса как в неравномерности экономического развития, так и в способности или неспособности тех или иных государств организовать своё окружающее пространство, свою окружающую среду. И Китай, и Индия, и Бразилия преуспеют в отстаивании лидерских позиций, если смогут успешно действовать не только на глобальном, но прежде всего на региональном уровне.

Что касается процессов на евразийском пространстве, думаю, это наша естественная среда. Но здесь и мы без качественного регионального лидерства не сможем утвердиться как влиятельная сила, тем более, как глобальный фактор. И здесь латиноамериканская конкретика даёт хорошие примеры. Так, Бразилия сумела эффективно организовать своё окружающее пространство. Вспомним, например, 2005 г., когда Соединённые Штаты, пытаясь интегрировать вокруг себя латиноамериканское пространство, предложили проект ФТАА (Free Trade Area of the Americas). Тогда с помощью Венесуэлы и Аргентины Бразилия положила конец той работе, которую американцы вели 10 лет. Таким образом, им удалось похоронить американский проект организации пространства в Западном полушарии. Это свидетельство того, что именно с середины прошлого десятилетия Бразилия энергично выходит из зоны сугубо регионального лидерства на глобальный уровень. Конечно, этот процесс ещё не завершён, как и в других регионах мира.

Другая важная тема – «арабская зима». Мне кажется, что в рассуждениях об этих событиях явно недооценивается значение экономического фактора. Прежде всего, это удорожание продовольствия. Революции начинаются именно с этого. Вспомним

про нашу собственную историю. Так вот, хлеб не завезли и в Египет. А уж потом присоединился Интернет и всё прочее. Но затрагивая информационную тему в региональных процессах, важно сказать, что Латинская Америка почти исчезла с негативного информационного поля. Почему это произошло? Дело в том, что Латинская Америка раньше других оказалась жертвой неолиберальных издержек, причём колоссальных. И она прореагировала политически. Это реакция оказалась конструктивной, созидательной в силу того, что утвердились демократические институты. Утвердились электоральные традиции, определённая толерантность в обществе. Благодаря этому они совершили левый, левоцентристский поворот. Благодаря этому произошло изменение экономической и социальной политики, которая насытилась социальным содержанием во многих странах региона. Поляризация во многих из них сохраняется, но зона бедности быстро сокращается. Укрепляется экономический потенциал внутреннего рынка, платёжеспособный спрос. Благодаря этому, в том числе Бразилия, перенесла кризис с минимальными издержками.

В отношении «арабской зимы» академик РАН А.М. Васильев совершенно справедливо говорит о «демографическом бугре». А что касается Латинской Америки, то там пик его влияния миновал. Молодая протестная энергия, захлестнувшая арабский мир, в Латинской Америке уже на спаде.

*Ал.А. Громыко**

ГЛОБАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ВОПРОСЫ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Тема глобального управления и регулирования неразрывно связана с вопросом о месте каждого государства в механизмах такого регулирования. Не так уж много стран на Земле, которые в принципе ставят перед собой задачу участвовать в этих про-

* Громыко Алексей Анатольевич, д.полит.н., заместитель директора ИЕ РАН, руководитель Ассоциации европейских исследований России, руководитель Европейских программ Фонда «Русский мир».

цессах, тем более, их формировать. Для большинства из них верхней планкой является значимая региональная роль; для некоторых в зоне достижимости – роль региональных лидеров. И лишь считанные из тех, кто в этом преуспел, могут претендовать на вхождение в категорию государств с трансрегиональными интересами и подкрепляемыми их адекватными ресурсами.

На вершине этой пирамиды мирового влияния располагаются глобальные державы. Среди них до середины прошлого столетия выделялись страны, обладающие наиболее крупными империями (особенно Британская и Российская). Им на смену впервые в истории и, возможно, в последний раз в ней пришли сверхдержавы в лице СССР и США. Их отличие от всех других тяжеловесов заключалось в том, что, при наличии желания и воли, они обладали способностью проецировать свои интересы почти в любой точке земного шара, и ограничителями в этом было лишь их собственное соперничество. Но биполярный мир вряд ли когда-нибудь повторится.

После краха биполярной системы, в начале XXI в. человечество оказалось в более знакомой для себя ситуации существования различных центров силы/влияния. В обиход вошло понятие многополярности (полицентричности). Необходимо отметить, что аналогов ей в прошлом не было; предшественниками в XIX – начале XX вв. были различные «концерты держав».

Полицентричный мир, утверждающийся на наших глазах, становится уникальным продуктом беспрецедентной стадии глобализации, которую она достигла к настоящему времени. Принципиальное отличие многополярности от «концертов» прошлого заключается в том, что, во-первых, мир прекращает быть не только европоцентричным, но и евроатлантическим. Впервые в истории практически на всех континентах планеты появились или появляются державы с трансрегиональными амбициями. Во-вторых, степень влияния на ход региональных и мировых дел зависит уже не столько от принуждения, сколько от привлекательности той или иной модели развития, а также от различного рода инструментов «мягкой силы». В-третьих, во второй половине XX в. возник феномен современного международного права, фундаментом которого является Устав ООН. До сих пор

он играет роль главного мерил легитимности действий государств на мировой арене, своего рода смиренной рубашкой, сковывающей намерения тех, кто хотел бы действовать, не взирая на рамки общепринятых правил.

Опасаться многополярности под предлогом того, что это якобы возрождение баланса сил XIX в. безосновательно по обозначенным выше причинам. Впрочем, если бы даже это и было так, предотвратить объективные процессы мирового развития невозможно. Необходимо стремиться скорректировать их, направить в максимально позитивное русло, но не делать вид, что их можно игнорировать. Ссылаться на то, что полицентричный мир намного сложнее для управления и менее предсказуем, чем мир двухполюсный или, тем более, однополюсный, также не способствует решению проблемы. Закон развития человеческой миротворческой системы – усложнение механизмов управления и регулирования на всех уровнях. Так было всегда, очевидно, будет и впредь.

Закон «взлёта и падения великих держав» действовал все предыдущие столетия; продолжает он действовать и теперь. Ни одной стране, лидировавшей в международных делах в предыдущие исторические периоды, к сегодняшнему дню не удалось удержаться на том же уровне влияния. И это в лучшем случае. В большинстве других – бывшие гегемоны свои позиции или заметно сдали или вовсе перешли в более лёгкую «весовую категорию». Рано или поздно им бросали вызов новые центры силы, происходило очередное переформатирование регионального, трансрегионального и глобального влияния.

Такие перегруппировки сил никогда не случались одновременно и резко. И сейчас международная система отношений ещё одной ногой стоит в XX столетии, олицетворением чему служат попытки государств евроатлантического пространства и их различных объединений не допустить своей маргинализации в условиях развития полицентричности. Кто-то ещё по инерции продолжает называть США сверхдержавой, но история неумолимо движется в ином направлении. Другие предсказывают появление новой сверхдержавы в лице Китая. Но уникальность полицентричности и в том, что в отличие от эпох империй, концертов держав или сверхдержав низка вероятность появления

новых гегемонов вместо старых, даже на региональном уровне, не говоря уже о трансрегиональном или глобальном. «Силловые поля» политического, экономического и иного влияния распределены в современном мире как никогда равномерно, и этот процесс лишь набирает обороты. Как туго натянутая сеть, эти поля препятствуют чрезмерному усилению того или иного претендента на особый статус.

Как в эту картину вписывается Россия? Она успела побывать в своей истории и одной из крупнейших империй, и сверхдержавой. И в том, и в другом качестве она во многом определяла механизмы регионального и глобального регулирования. После распада СССР Россия впервые за несколько столетий оказалась в числе сугубо региональных, даже субрегиональных игроков, причём не первого эшелона. Но, как продемонстрировала история, в случае России это падение влияния не было обусловлено железной логикой «взлётов и падений». Объективность в этом сыграла свою роль лишь отчасти. Время показало, что позиции нашей страны в мировых делах потенциально намного сильнее, что отчасти и было реализовано на практике с начала прошлого десятилетия.

В настоящее время Россия представляет собой трансрегиональную державу с элементами глобального влияния. Сегодня тезис о международной ответственности России звучит естественно и уместно, чего не скажешь ещё о недавнем прошлом. В 1990-е гг., да порой и позже, достаточно широкой популярностью пользовался тезис о вредности широкой международной роли России, какой-либо стратегической глубины в её внешней политике. Его придерживались представители самых разных направлений политической мысли, подчас противоположных. Например, антигосударственники (антиэтатисты), будь-то неolibералы или вечные борцы с российским «политическим режимом», в лучшем случае считали, что чем государства меньше, тем лучше. В худшем – что Россия исконно нецивилизована, и ей лучше следовать в фарватере более просвещённых держав. Другие, радетели новой российской государственности, считали, что внешнеполитическая активность отвлекает Россию от решения более насущных задач

внутреннего развития.

Думается, что неправы ни те, ни другие. Успешность внутреннего развития уже давно, тем более, в XXI в., в котором мир тесно переплетён, определяется внешними факторами в не меньшей степени, чем внутренними. Без активной внешней политики невозможно решать многие внутренние насущные задачи. Конечно, как всегда, есть мера в вещах, и внешняя политика, оторванная от реальности, от представлений о ресурсах страны, может накладывать на неё неоправданное бремя. Но нахождение правильного баланса между внешнеполитической активностью и требованиями внутреннего развития – вопрос качества государственного управления, но никак не самого принципа необходимости такой активности.

Разбазаривание внутренних ресурсов ради иллюзорных внешнеполитических выгод так же неприемлемо, как бездействие во внешней политике в ущерб национальным интересам. Стремление вернуть себе роль сверхдержавы для современной России было бы также пагубно, как неумение защищать и продвигать свои позиции в качестве трансрегионального субъекта мировой политики, в качестве одного из центров влияния в полицентричном мире XXI в.

Для своего преуспевания Россия заинтересована в дальнейшем использовании как механизмов регулирования, созданных во второй половине прошлого столетия, так и в развитии новых, постбиполярных. Среди первых – ООН и вся разветвлённая сеть её агентств и учреждений, ВТО (как продолжение ГАТТ), ОБСЕ (как продолжение СБСЕ), «большая восьмёрка» (как продолжит «семёрки») и др., среди вторых – «большая двадцатка», БРИКС, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, Таможенный союз и др. Причём, большинство из перечисленных организаций не состоялись бы без активной роли Советского Союза или России. Не думаю, что найдётся много экспертов, которые всерьёз доказывали бы их ненужность. Без активной внешней политики Россия была бы не в состоянии занять достойное место в этих структурах, а, следовательно, и влиять на деятельность региональных и глобальных механизмов регулирования и управления.

Более того, для повышения шансов закрепить за собой ста-

тус центра влияния в XXI в. России придётся только наращивать внешнеполитическую активность. Здесь важную роль играет следующий парадокс современности: наращивание влияния возможно только через региональную интеграцию, даже за счёт делегирования части своего национального суверенитета, а в более широком плане – в способности стать ядром того или иного объединения государств. Наглядным примером служит Германия, которая своим нынешним весом обязана участию в ЕС, или США как ядро НАТО, или Бразилия как ведущий член различных латиноамериканских организаций. Поэтому вполне рационально стремление России взять на себя функцию ядра интеграционных проектов на постсоветском пространстве. От их успешности, в том числе самого амбициозного – Евразийского экономического союза, и будет во многом зависеть вполне оправданная претензия России на роль центра силы во всех её ипостасях в текущем столетии.

Формирование новых и переформатирование старых механизмов регионального и глобального регулирования продолжатся ещё не один год. Это именно тот отрезок времени, когда в эти процессы можно встроиться и оказывать на них влияние к своей выгоде. Если бы не высокая активность внешней политики Советского Союза, то ООН сложилась бы другой, менее приспособленной для поддержания роли нашей страны в качестве одного из ведущих государств мира. Почему Великобритания так и не стала частью мотора европейской интеграции? Потому что в своё время упустила шанс войти в число стран-основательниц ЕЭС. Почему Бразилия всё зримее превращается в лидера Латинской Америки? Потому что в своё время активно проводила внешнюю политику по противодействию проектам пан-американской интеграции во главе с США. Так и в будущем – одни страны используют шансы для усиления своих позиций, другие их упустят. Как, например, Украина упустит шанс занять место в числе лидеров постсоветского интеграционного процесса, если в скором будущем не примет этого решения.

В.Б. Кувалдин*

* Кувалдин Виктор Борисович, д.и.н., проф., зав. Кафедрой общественно-гума-

МИР ОДНОПОЛЯРНЫЙ, ПОЛУТОРНЫЙ, МНОГОПОЛЯРНЫЙ?

В глобалистике, науке, которая занимается глобализацией, считается аксиомой, что существует болезненная диспропорция, болезненный разрыв между развитием глобализационных процессов, в первую очередь в экономике, и их слабым отражением в политической сфере. Экономика становится глобальной, а политика остаётся национально-государственной. Но если существует глобальный мир как некая целостная конструкция, то как же в нём могут быть так слабы управленческие элементы? Как он вообще может существовать, действовать, развиваться и не сорваться в какую-то опасную спираль? Для того чтобы получить ответ, лучше всего опираться на реальный опыт, который есть в нашем распоряжении и на основании которого мы можем анализировать.

Прелесть глобалистики заключается в том, что сколько там мыслителей, сколько фигур, столько и идей. Это молодая наука, где сталкиваются самые разные точки зрения. Глобализация – процесс не такой уж новый, но и не старый, он напрямую связан с развитием промышленного капитализма. Это значит, что его история, насчитывает двести лет. В ходе неё человек сталкивался с тремя формами глобального мира. Существовал многополярный глобальный мир, мир перед Первой мировой войной, мир, где всё решали несколько ведущих европейских держав. Затем последовал биполярный глобальный мир, мир второй половины XX в. По сей же день мы живем ещё всё-таки в однополярном глобальном мире. Нравится нам это или нет, но ведущую роль играет одна страна – Соединённые Штаты Америки.

Эти миры управлялись довольно жёстко и до известного предела эффективно. Европейский мир управлялся теми державами, которые задавали тон в Европе. Биполярный мир управлялся из двух столиц. Почему возникло представление о провале управления при третьем варианте глобального мира? Мне кажется, это связано с особенностями управления в однополярном

нитарных дисциплин, Моск. школа экономики, МГУ им. М.В. Ломоносова.

мире. Там многое, действительно, скрыто за кадром, многое решается в рамках одной столицы, одной политической элиты, элиты весьма опытной, весьма ориентированной, весьма идеологизированной, которая сумела создать целый ряд достаточно надёжных союзников. И целый ряд институтов в лице НАТО, других политических и экономических организаций.

Сейчас мы видим, что эта модель обнаружила свои отрицательные свойства. Назову, пожалуй, три из них. Первое, она слишком проста для того мира, в который мы вступили. Второе, она не рассчитана на то, чтобы реагировать на сложность этого мира. Эта модель в первую очередь руководствуется национально-государственными интересами одного государства. И в этом смысле одна повестка дня подменяет другую. И третье, это система, которая не обладает легитимностью с точки зрения норм понимания международного права.

Разговоры о глобальном правительстве считаю преждевременными. Распространено мнение, что кризис однополярного мира ставит в повестку дня вопрос о создании мира многополярного. Как со стратегической установкой, с этим нельзя не согласиться. Но хотел бы обратить внимание на то, что это опасная система. Мы видим, что даже в рамках одного континента, Европы, «минимногополярность», то есть система четырёх ведущих государств в рамках Европейского союза, и то не способна управлять эффективно. Реальный процесс пойдёт, видимо, по несколько иному пути: однополярный мир будет сдвигаться к «полуторному». Ясно, что на вторую роль выдвигается Китай; по всем прогнозам уже в этом десятилетии он сравняется по объёму экономики с Соединёнными Штатами. Из этого абсолютно не следует, что он будет равен Соединённым Штатам как политический игрок. Слишком много есть в их активе, что ещё долго будет обеспечивать Вашингтону первое место в этой двойке. Но вот как сложится ситуация позже, другой вопрос, и там наступят интересные развилки.

Будет ли эта комбинация двигаться в сторону двуполярного мира или многополярного, вопрос будущего. И необходимо обратить внимание на опасности этого перехода. Даже в рамках европейской многополярности сто лет назад события привели

к ужасающим последствиям. Причём тогда в сущности периферийный конфликт, балканский, периферийный по отношению к противостоянию Великобритании, Франции и Германии, оказался достаточным для глобальной катастрофы – Первой мировой войны. В исторической перспективе она поставила крест на однополярном европейском мире. Мир же, в который мы входим, не просто многополярный, это мир разных цивилизаций, в котором остра проблема «культурного перевода», т.е. перевода одной системы ценностей и систем идентичностей в другую. В этом мире нас поджидает немало опасностей.

*Т.Л. Дейч**

БРИКС И ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ В АФРИКЕ

Эволюция БРИКС.

БРИКС становится заметным игроком, привлекающим пристальное внимание как Востока, так и Запада. При этом возникает множество вопросов: какие цели преследует в большей степени БРИКС: политические или экономические; станет ли БРИКС организацией или останется группировкой; насколько сильны центристские тенденции в политике стран членов, способные преодолеть имеющиеся между ними разногласия; сумеет ли голос БРИКС в ООН и на мировой арене в целом заставить лидеров западного мира изменить что-либо в своей политике; как сложатся отношения БРИКС с достаточно многочисленными международными организациями, в которые входят «страны Юга»; наконец, сохранит ли эта группа свой нынешний состав, или она пойдёт на поводу у стран, желающих присоединиться к ней (к примеру, писали, что в скором будущем БРИКС превратится в БРИНКС, включив в свой состав Нигерию; в члены БРИКС «сватают» Казахстан и т.д.).

После второго саммита, состоявшегося в апреле 2010 г. в Бразилиа, высказывались скептические замечания в адрес этой группы, которую характеризовали как «неформальную ассоциа-

* Дейч Татьяна Лазаревна, д.и.н., Центр российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН.

цию», «платформу для дискуссий», с целью координации позиций участников в преддверии саммита «двадцатки» и т.д. Саммит состоялся в разгар мирового финансово-экономического кризиса, что отчасти объясняет его «экономический уклон». Обсуждались вопросы преодоления кризиса, реформы финансовых институтов, обеспечения глобальной энергетической и продовольственной безопасности, однако принятые решения носили расплывчатый характер. Единственным практическим документом стал Меморандум о сотрудничестве между Внешэкономбанком РФ, китайским Чайна Девелопмент Бэнк, бразильским Нейшнл Бэнк оф социо-экономик девелопмент оф Бразил и Экспортно-импортным банком Индии. Что касается политических проблем, то собравшиеся лишь формально затронули проблемы международного терроризма и ядерной безопасности; конкретных решений по этим вопросам принято не было.

Третий саммит БРИКС (с участием ЮАР) можно расценивать как шаг вперёд. Хотя, как и второй саммит, он не дал ответа на вопрос об окончательной форме объединения, страны-участники саммита проявили готовность не концентрировать внимание на различиях в подходах, а продемонстрировать миру свою готовность действовать как единое целое на мировой арене.

Растущее стремление БРИКС действовать единым фронтом продемонстрировал и четвёртый саммит группировки, состоявшийся в марте 2012 г. в Нью-Дели с обозначенной темой дискуссий «Партнёрство БРИКС в интересах глобальной стабильности, безопасности и процветания». Итоги этой встречи показали, что БРИКС стал утвердившимся форматом в международных отношениях и налицо тенденция к всё большей координации действий стран членов в решении острых вопросов мировой политики и экономики.

Нельзя отрицать, что БРИКС проявляет стремление как к укреплению внутренних связей, так и к сотрудничеству с другими международными объединениями. Как свидетельствуют совместные заявления лидеров стран-членов, ассоциация рассматривает себя как общность. Китайские учёные заявляли, что «возникающие державы» поднимаются коллективно, и их растущая мощь – позитивная и важная черта современной международной

системы⁴.

Страны-члены БРИКС уже сотрудничают в ООН, в «Группе двадцати» (ЮАР – единственный африканский член этой организации), а также в ИБСА, которая, несомненно, выиграла от вступления Южной Африки в БРИК. В 2011 г. все страны БРИКС участвовали в работе Совета Безопасности ООН: Россия и Китай – в качестве постоянных членов, Бразилия, Индия и Южная Африка – непостоянных. При этом в планах группы наблюдается стремление к согласованным действиям в достижении политических целей. Так, в Декларации, принятой по итогам саммита БРИКС в г. Санья, (о. Хайнань, Китай) 14 апреля 2011 г., подчёркивалось, что «одновременное участие всех пяти стран БРИКС в Совете Безопасности в течение 2011 года представляет собой ценную возможность для тесной совместной работы по вопросам мира и безопасности, для укрепления многосторонних подходов и дальнейшей координации действий в вопросах, находящихся на рассмотрении СБ ООН»⁵.

Следует заметить, что страны БРИКС уже проявили единство своих подходов, выступив за решение политико-дипломатическими, а не военно-силовыми методами конфликтов в Ливии, Кот д'Ивуаре и Судане, и осудив натовские бомбардировки Ливии. Однако нерешительность их позиции способствовала эскалации насилия в этой стране. В феврале 2012 г. Россия и Китай наложили вето на резолюцию СБ ООН, однозначно не исключавшую силовое решение кризисной ситуации в Сирии. «Вынесенный на голосование проект резолюции неадекватно отражал сложившиеся в Сирии реалии и посылал несбалансированные сигналы сирийским сторонам», – пояснил на заседании СБ ООН постоянный представитель России во всемирной организации Виталий Чуркин после голосования⁶. Сказанное свидетельствует о том, что политическая составляющая совместных действий БРИКС уже имеет место.

⁴ Zhu Ligun, China's Foreign Policy Debates. Chaillot Papers. Institute for Security studies, European Union, Paris. September 2010. P. 31.

⁵ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС 2011 г., г. Санья, о. Хайнань, КНР, 14 апреля 2011 г., <http://www.strategy-center.ru/page/php?vrub=infavid>.

⁶ РФ и КНР блокируют резолюцию по Сирии СБ ООН, их партнёры раздражены. 02.04.2012 г., http://www.ria.ru/arab_sy/20120204/557123986.html.

Что касается экономической составляющей, то здесь в ещё большей степени просматривается готовность стран-членов к согласованным действиям. В интервью министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова агентству Синьхуа 13 апреля 2011 г. было сказано, что БРИКС добился ощутимого прогресса в реформировании международной финансово-экономической архитектуры⁷.

В пользу стремления стран БРИКС воплотить в жизнь свои идеи в экономической сфере говорят состоявшееся в рамках саммита в г. Санья совещание министров экономики стран БРИКС, взаимодействие министров финансов и руководителей Центробанков. По итогам саммита в Нью-Дели 10 июля 2012 г. была создана рабочая группа в целях разработки концепции антикризисного фонда и формирования параметров банка развития БРИКС, средства от которого пойдут на инфраструктурные проекты. При этом объём антикризисного фонда, который будет сформирован на основе золотовалютных резервов государств-участников, может достичь 240 млрд долл. Фонд может стать своего рода альтернативой МВФ и ВБ⁸.

Китай уже начал реализацию своей идеи создания «зоны юаня». В декабре 2011 г. он заключил соглашение с Японией, позволяющее проводить обмен японской и китайской валют, не конвертируя их предварительно в доллары⁹. Он исключил доллары в сделках с Россией, чтобы использовать рубли и юани, оплатил в юанях нефть, импортированную из Ирана. В ходе визита в Катар в январе 2012 г. китайского премьера Вэнь Цзябао достигнута договорённость, что финансирование двусторонних сделок будет проведено в местной валюте в обход доллара. Китайское руководство договорилось с Аргентиной покупать у неё зерно за юани, за которые аргентинские фирмы, в свою очередь, будут покупать у Китая сельскохозяйственное оборудование.

Юань движется и в Африку. В августе 2011 г. «Бэнк оф Чай-

⁷ Интервью министра иностранных дел С.В. Лаврова китайскому информационному агентству Синьхуа. 13 апреля 2011 г., <http://www.mid.ru/brp.4nsf/O/BODE2>.

⁸ Международный валютный БРИКС. БРИКС создаёт антикризисный фонд. Газета.ру. 16 декабря 2012.

⁹Скосырев В. Токио и Пекин договорились уменьшить роль доллара. Независимая газета, 27 декабря 2011 г.

на» – 4-й по размеру активов китайский банк – начал в Замбии оказание услуг наличными в юанях. Отделение банка в Лусаке принимает в юанях депозиты, выдаёт займы и осуществляет переводы, что является частью мер по финансовому обслуживанию китайских компаний на африканском рынке¹⁰. Нигерийский центральный банк также добавил юань в список используемых валют; поскольку торговля Нигерии с Китаем растёт, в ней будет использоваться юань¹¹.

В 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок своих облигаций для иностранных банков, имеющих накопления в юанях¹².

«Азиатской бездолларовой зоны» достигла и Индия, которая будет оплачивать в рупиях нефть, импортированную из Ирана, позволив Центральному иранскому банку открыть счёт в рупиях в двух индийских банках. Как заметил бывший индийский посол Бхадракумар в статье в газете «Asia Times», «ирония судьбы заключается в том, что, введя санкции и эмбарго, США, и в особенности Европа, наступили на грабли, открыв путь к недоверию, которое не только благоприятствует Китаю, но и увеличивает в Азии число стран бездолларовой зоны, позволяя им покупать нефть по более низким ценам и подталкивая их к всё более тесным финансовым отношениям, которые постепенно всё больше обходятся без международной валюты, то есть доллара»¹³.

В марте 2012 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между странами-членами БРИКС, в соответствии с которым Банк развития Китая (Чайна девелопмент бэнк) будет выдавать Бразилии, Индии, России и ЮАР кредиты в юанях. А эти страны, в свою очередь, начнут выдачу займов в национальных валютах. Как сообщала газета «Файненшл таймс», в

¹⁰ ИТАР-ТАСС, 15.08.2011.

¹¹ The ChinaMonitor. Issue 58. Centre for Chinese Studies. Stellenbosch University. January 2011. P. 11.

¹² С.Г. Лузянин. Внешняя политика Китая до 2020 г. 2011-12-14. Институт эволюционной экономики. <http://iee.org.ua/index.php?ang=ru>.

¹³ Buzzone, Maria. La Cina snobba le sanzioni all'Iran, ma il premier Wen Jiabao è ben accolto nel Golfo. La Stampa. 26.01.2012. InoСМИ. Ru.<http://www.inosmi.ru/fareast/20120127/184123-96.htm>.

настоящее время доля юаня в торговых операциях на территории Азии составляет 13%, а к 2015 г. она вырастет до 50%¹⁴.

Отвечают духу тенденций, просматривающихся в экономических идеях стран БРИКС, и решения саммита «двадцатки» (Сеул, ноябрь 2010 г.). Документ этого форума продемонстрировал известный отход от модели ультралиберального рынка и утверждение новой стратегии мирового развития, получившей название «Сеульский консенсус». В нём также заявлено о необходимости продолжения реформы МВФ, направленной на усиление в нём позиций развивающихся стран с формирующимися рынками роста. При активной поддержке БРИК доля голосов КНР в ВБ выросла с 2,77 до 4,42% (3-я после доли США и Японии); доля Индии увеличилась с 2,77 до 2,91%, Бразилии – с 2,07 до 2,24%; РФ сохранила прежнюю долю – 2,77% голосов. Африка имеет три места в ВБ и рассчитывает после решений саммита «двадцатки» по реформированию структуры МВФ иметь и там три места; распределение системы квот в международных институтах должно быть завершено в 2014 г.

Сказанное позволяет сделать вывод, что за время, прошедшее с момента его создания, БРИКС сильно изменился. Как сказал министр иностранных дел С. Лавров, он «приобрёл глобальный масштаб». Совокупная мощь стран БРИКС в мировой экономике растёт, политическое взаимодействие укрепляется. Объединение ставит перед собой далеко идущие цели, стремясь продемонстрировать остальному миру, что на свет появился новый феномен – ещё недавно слаборазвитые страны, находящиеся на обочине мировой политики, конфликтующие друг с другом (достаточно вспомнить конфликты Китая с Индией, советско-китайские разногласия и пр.), а ныне блок государств, которые формируют общую структуру и готовы действовать сообща, дабы положить конец монополии великих держав в мировых институтах глобального управления.

Роль Африки.

Своего рода «опытным полем» БРИКС, базой для претворения в жизнь усилий стран-членов по изменению существующего мирового порядка может стать Африканский континент. С

¹⁴ LENTA-RU. 24.07. 2012 <http://lenta.ru/news/2012/03/08/renminbi>.

одной стороны, Африка – кладёз природных ресурсов, в которых особенно нуждаются такие наиболее быстро развивающиеся страны, как Китай и Индия, а, с другой – конгломерат «отстающих» государств, крайне заинтересованных во внешней помощи и инвестициях. Именно на примере этих стран БРИКС демонстрирует готовность новых «возникающих» государств сделать то, чего не смог сделать Запад. Возросшее внимание к Африке во многом объясняется важной ролью ресурсного потенциала континента в мировой экономике XXI в., а также растущим политическим влиянием региона на международной арене. Африка превратилась в зону стратегических экономических интересов ведущих держав, обостряющейся конкурентной борьбы за доступ к её минеральным и углеводородным ресурсам.

По прогнозам, спрос на сырьё к середине XXI в. возрастёт на 50-60%. Между тем, на африканские страны, по разным оценкам, приходится от 30 до 40% разведанных мировых запасов природных ресурсов, а фактически больше, поскольку степень их изученности остаётся низкой¹⁵. В новом тысячелетии в большинстве стран Африки наблюдался самый длительный период устойчивого роста за весь период независимости. Ежегодный прирост ВВП в регионе в 2004–2008 гг. составлял около 6%. Экономический подъём стимулировался устойчивым спросом на сырьё, что способствовало динамичному увеличению притока ПИИ, объём которых в 2007–2008 гг. достиг рекордного уровня – 63 и 72,1 млрд долл. соответственно¹⁶, а в 2011 г. составил уже 87,6 млрд долл.¹⁷

Наиболее активен в Африке Китай, стремящийся использовать потенциал БРИКС для наращивания своего влияния на континенте. Китай стал главным торговым партнёром африканских стран, опередив США. В 2011 г. объём китайско-африканской

¹⁵ А.М. Васильев. Тезисы выступления на научно-практической конференции. Углеводородные и твёрдые минеральные ресурсы Африки: возможности участия российского бизнеса в их освоении. М., 16 мая 2008 г. С. 21.

¹⁶ UNCTAD. World Investment Report 2010. N.Y. and Geneva 2010, p.167; Jeune Afrique P. 2009 № 2519. P. 22.

¹⁷ Афроком. Webecomony о перспективах развития Африки. 09.06.2012. <http://www.afrocom.ru/news/analytics/22>.

торговли составил 166,3 млрд долл.¹⁸ Как заявил специальный представитель КНР по Африке Чжун Цзяньхуа (Zhong Jianhua), на июнь 2012 г. Китай инвестировал в Африку 45 млрд долл., в том числе 15 млрд долл. составили ПИИ в страны континента. Он заметил также, что в Африке действуют свыше 2 тыс. компаний разного типа и более 85% их работников и персонала – африканцы¹⁹.

Расширяет присутствие в Африке и Индия – давний партнёр стран континента. На майской 2011 г. встрече с министрами торговли африканских стран министр торговли и промышленности Индии Ананда Шарма назвал экономическое сотрудничество Индии с Африкой «краеугольным камнем» партнёрства в новом веке²⁰. В 2010 г. индийско-африканская торговля превысила 46 млрд долл., и ожидают, что она составит 70 млрд к 2015 г. Индийские инвестиции в Африку превысили в 2010 г. 25 млрд долл.²¹

Укрепляет связи с африканскими странами и Бразилия. Достаточно сказать, что с 2003 по 2010 г. бывший президент Бразилии де Лула посетил 23 африканские страны. Объём торговли Бразилии с Африкой с 2002 по 2011 г. вырос в 7 раз: с 4 до 28 млрд долл.²² Торговля Бразилии с ЮАР составила в 2011 г. – 2,6 млрд долл.²³ Инвестиции в Африку только одной бразильской компании «Vale» составили 2,5 млрд долл. Компания «Петробрас» планирует инвестировать с 2009 по 2013 г. 3 млрд долл. Компания «Одербрект» действует в Анголе, Ливии, Либерии, Мо-

¹⁸ Китай выдаст Африке кредиты на 20 млрд долл. LENTA-RU. 19.07.2012.

¹⁹ China's Africa Envoy discusses China-Africa Relations. APC Communique. Boston University African presidential center newsletter. Special Report. Fall 2012.

²⁰ Anand Sharma to lead Indian Side for India-Africa Trade Ministers' Meet. New Delhi, 18 May 2011. http://commerce.ric.in/Pressrelease/pressrelease_detail.asp&id=2777.

²¹ Ibid.

²² И. Макеева. Бразилия укрепляет связи с африканскими странами. Великая эпоха. Epoch Times. 11-12-2012, <http://www.epochtimes.ru/content/view/68818/2>.

²³ Luis Reis de Silva, A., Peruffo, L. The impact of the international crisis on Brazil's trade with the other BRICS (Russia, India, China and South Africa). Austral: Brazilian Journal of Strategy and International Relations. 2012. Vol. 1, № 2. Jul.-Dec. P. 193.

замбике, Гане, имеет завершённые проекты в Конго, Ботсване, ЮАР, Габоне, Джибути. Бразилия оказывает техническое содействие сектору хлопководства в Бенине, Буркина-Фасо, Чаде, Мали²⁴.

Товарооборот БРИКС с Африкой может составить к 2015 г. $\frac{1}{3}$ общего товарооборота континента по сравнению с $\frac{1}{5}$ в 2010 г., – заявил замминистра международных отношений и сотрудничества ЮАР Мариус Франсман, выступая в ноябре 2012 г. в Стелленбошском университете на семинаре под названием «ЮАР – крепкий кирпич в здании БРИКС». С 2005 по 2010 гг. торговля ЮАР со странами БРИКС выросла с 9,2 до 20,4 млрд. Поэтому ЮАР предлагает использовать её в качестве «ворот» в Африку, рассчитывая, что сможет связать континент с наиболее быстро развивающимися экономиками²⁵.

Китай энергично поддержал ЮАР в её стремлении стать членом нового объединения, лоббируя эту идею в ходе переговоров с другими членами группы и выражая уверенность в том, что приём в БРИК ЮАР будет способствовать росту престижа развивающихся экономик²⁶. Рассматривая ЮАР как ворота в Африку, Пекин давно и достаточно успешно сотрудничает с ней. С 2009 г. Китай – главное направление южноафриканского экспорта, главный источник импорта Южной Африки. На долю Южной Африки приходится львиная доля африканских инвестиций Китая. Подписанные в 2010–2011 гг. двусторонние соглашения предусматривают участие китайских компаний в добыче титана в ЮАР, строительстве железной дороги и электростанций, обмене технологиями в области ядерной энергетики²⁷. В ноябре 2010 г. ЮАР обещан кредит в 20 млрд долл. на цели развития ядерной энергетики²⁸. Успешно действует двусторон-

²⁴ Lewis, D. In Africa Brazil takes a different track. Reuters, Febr. 2011.

²⁵ Бизнес ТАСС. 21.11.2012 г.

²⁶ Wooldridge, M. Will BRICS strengthen South Africa's Economic Foundations? BBC News, Johannesburg, 2011.

²⁷ World Socialist Web Site. Hambides, Zac. China-South Africa deals highlight great – power rivalry in Africa. <http://wsws.org/articles/2010/sep.2010/Zuma-SIS.shtml>.

²⁸ Rossow, Mandy. China's sweet climate change deal. Mail and Guardian Online. Nov.19.2010. <http://www.mg.co.za/article/2010-11-19-chinas-sweet-climate-change-deal>.

няя комиссия, ЮАР посещает наибольшее число китайских туристов, в Китае обучается наибольшее число студентов из Южной Африки. Таким образом, двусторонние отношения КНР-ЮАР могут рассматриваться как маяк сотрудничества между странами-членами БРИКС и Африкой.

В последние годы растущий интерес к Африке проявляет и Россия. Основные российские интересы в Африке сосредоточены в экономической сфере, прежде всего в области освоения минеральных и углеводородных ресурсов, что объясняется уязвимостью минерально-сырьевой базы России в условиях открытости экономики и глобализации. Истощились или на грани истощения рентабельно эксплуатируемые месторождения. По ряду важнейших минералов возник существенный дефицит, который покрывается за счёт импорта: по марганцу почти на 100%, по хромиту – на 80%, по бокситам на 60% и т.д. Новые российские месторождения расположены главным образом в северных широтах, и их освоение связано с крупными капиталовложениями и с длительными сроками, а также с большим экологическим ущербом. Как ни парадоксально, но добыча российскими компаниями углеводородов на Ближнем Востоке, в Северной и Западной Африке является более рентабельной, нежели их разработка в РФ. 18 наиболее крупных российских компаний реализуют 40 проектов (в т.ч. добыча алмазов в Анголе (АЛРОСА), строительство газопровода Нигерия – Алжир (Газпром), добыча никеля в Ботсване (Норникель) и др). Учитывая африканскую специфику, российские инвесторы стремятся к консолидации своих усилий. Это проявляется на данном этапе в создании «деловых советов» как с отдельными африканскими странами, так и с регионами. Уже созданы и действуют деловые советы «Россия – ЮАР», «Россия – Нигерия», Арабский деловой совет, Координационный комитет по экономическому сотрудничеству со странами Африки к югу от Сахары и др.

Необходима координация действий с Африкой по усилению влияния на ситуацию на мировых рынках сырья. У России имеется возможность расширения экспорта промышленного оборудования, машин и услуг вследствие сотрудничества в добывающих отраслях.

В 2013 г. Южная Африка будет принимать у себя очередной саммит БРИКС. Тему его обозначил заместитель министра международных отношений и сотрудничества ЮАР Ибрахим Ибрахим, который заявил: «Мы предлагаем следующую тему сам-мита: БРИКС и Африка – партнёрство ради развития, интеграции и индустриализации. Тем самым Южная Африка намерена разделить это событие со всем континентом, поскольку форум БРИКС представляет огромные возможности для экономического роста и развития во всей Африке»²⁹. Россия и ЮАР подго-товили к саммиту 10 соглашений, касающихся сотрудничества в сферах космоса, высоких технологий, разработки и освоения ми-нерально-сырьевых ресурсов. 12 ноября 2012 г. во время встре-чи с министром иностранных дел РФ С. Лавровым министр ме-ждународных отношений и сотрудниче-ства ЮАР М. Нкоана-Ма-шабана выразила заинтересованность в сотрудничестве с Россией в нефтегазовой сфере³⁰.

Перспективы БРИКС.

Вероятность усиления БРИКС в будущем, на наш взгляд, достаточно велика, несмотря на имеющиеся расхождения в позициях стран-членов. БРИКС – первое объединение, которое может претендовать на роль полюса силы в многополярном мире. Руководитель Управления региональных программ Фонда «Русский мир» Г.Д. Толорая сравнивает его с Движением неприсоединения, выдвинувшим в своё время идею сотрудничества «Юг-Юг», подхваченную затем Китаем. Это движение было достаточно аморфным и впоследствии сошло на нет, однако, идея альтернативы стратегиям, основанным на одностороннем или блоковом мировом лидерстве, не умерла, а стала расти по мере роста числа противников однополярного мира, желающих бросить вызов гегемонии Запада в международных делах.

Как представляется, превращение БРИКС в оформленную организацию вряд ли возможно на данном этапе. Однако даже при настоящем статусе БРИКС выступает как носитель новой идеологии в международных отношениях. Эволюция БРИКС за

²⁹ Бюллетень Национального комитета по исследованию БРИКС. № 13, ноябрь 2012.

³⁰ Mid.ru.12.11.2012.

сравнительно короткий срок показала, что, несмотря на все различия во взглядах на те или иные проблемы, страны-члены объединения ищут и находят согласованные подходы к вопросам будущего мироустройства.

В своём настоящем виде БРИКС способен:

- 1) затруднить свободу действий США и других государств Запада на мировой арене;
- 2) выступать с согласованных позиций в международных организациях;
- 3) способствовать урегулированию конфликтных и кризисных ситуаций в мире;
- 4) оказать влияние на ситуацию в мировой экономике в направлении создания более справедливой и стабильной финансовой системы, свободной торговли;
- 5) оказать содействие решению проблем развивающихся стран (устойчивое развитие, продовольственная безопасность и проч.);
- 6) использовать возможности ЮАР как «окна в Африку», выйдя с её помощью на другие страны Африки с целью налаживания эффективного сотрудничества на многосторонней основе.

Приоритеты России в БРИКС.

Учитывая вес и влияние Китая в мире, некоторые аналитики рассматривают КНР как государство, во многом определяющее поведение стран-членов БРИКС. Если говорить о России, то значимость БРИКС для неё весьма велика.

Россия с самого начала играла активную роль в создании БРИКС; существует мнение, что основой для этого союза стало российско-китайское партнёрство. При активной роли России родился РИК, хотя индийско-китайские противоречия на тот момент были достаточно сильны. Это свидетельствует о значимости объединения для российских интересов. С развалом СССР Россия лишилась статуса великой державы; её вес и влияние в мире сократились параллельно сокращению параметров экономического роста. Во властных структурах страны преобладали европоцентристские настроения; куда меньшее внимание уделялось развитию сотрудничества со странами «Юга».

В последнее десятилетие главное содержание внешней по-

литики России определяется стремлением укрепить статус влиятельного центра мировой политики, отстаивать свои национальные интересы. Однако острая борьба по этим проблемам как внутри страны, так и на международной арене продолжается до сих пор.

Финансово-экономические и военно-политические ресурсы, необходимые для осуществления независимого внешнеполитического курса остаются ограниченными. России нелегко проводить внешнюю политику, достойную великой державы, в условиях, когда по таким индексам Всемирного экономического форума, как глобальная конкурентоспособность, инновационный потенциал, качество образования и здравоохранения, она заметно уступает своим партнёрам по БРИКС – Китаю, Индии, Бразилии. Россия не может обойтись без экономического сотрудничества со странами Запада. Но поскольку она страна евразийская, важным императивом её внешней политики является развитие отношений со странами Азии, Африки, Латинской Америки, тем более что именно здесь появились на свет феноменально быстро развивающиеся государства, обретающие вес и влияние в мире.

В последние годы российские компании предприняли заметные усилия для расширения своих позиций в мире. Поданным ЮНКТАД, в 2011 г. отток из России прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составил 67,3 млрд долл.³¹ (в 2010 г. – 52 млрд долл.). С 2003 по 2010 г. российские компании участвовали в 1100 инвестиционных проектах «с нуля». При этом многие компании зарегистрированы в оффшорах и их инвестиции расцениваются, как, к примеру, кипрские, а, значит, реальный объём российских инвестиций выше. Однако основное направление вложений – страны Запада. Россия, например, оказалась главным инвестором Германии среди стран БРИК, обойдя по этому показателю Китай³².

Добиваться качественного повышения уровня отношений сотрудничества и взаимодействия России мешают ограничен-

³¹ UNCTAD. World Investment Report. 2012. <http://unctad.org/Pages/DIAE/WorldInvestmentReport/WIR2012>.

³² Незаметные победы русского капитала. Эксперт. 13.11.2011.

ность материально-финансовых ресурсов, отсутствие у российского бизнеса достаточного интереса, отсутствие чётко обозначенной и стабильной государственной программы сотрудничества с континентом, а в Африке – забота о сохранении связей с западными экономиками, неуверенность в деловых качествах и надёжности российского бизнеса.

Что касается политической сферы, то нельзя не признать, что принципы уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела, на которых базируется Устав ООН, перестали быть незыблемыми. Узаконены изъятия из этих принципов и легитимизировано право на превентивные интервенции в целях устранения террористической угрозы, преступлений против человечества, угроз геноцида, массового уничтожения мирного населения. Протестную реакцию вызывает агрессивное вмешательство под предлогом защиты прав человека, навязывание темпов и содержания демократических преобразований.

В этих условиях, как представляется, России целесообразно придерживаться линии на максимальное сокращение решений, касающихся международного вмешательства во внутренние дела африканских стран; на сотрудничество с Африканским Союзом, субрегиональными организациями, на оптимально возможный учёт собственных интересов как в конкретной стране, так и на международной арене в целом.

В своей африканской политике Россия зачастую отдавала предпочтение усилиям в рамках многосторонних структур – Совета Безопасности и специализированных учреждений ООН, «восьмёрки», «двадцатки» и др. В результате в глазах африканцев мы оказывались в одной компании с западными странами, чаще ближе их позициям, чем интересам африканских стран.

Между тем традиционно позитивный образ России в Африке строится на альтернативности её позиций и интересов позициям и интересам Запада. Россия не участвовала ни в работоторговле, ни в колониальном разделе Африки. Она содействовала процессу деколонизации, обретению африканскими странами национальной независимости и международного суверенитета. Наличие у России собственного «африканского кредо», опти-

мально согласующегося с собственными национальными интересами и интересами стран Африки, может служить важным условием повышения имиджа России на континенте.

ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

*А.С. Дзасохов**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ – РЕАЛЬНОСТЬ МИРООБРАЗОВАНИЯ.

Летом 2002 г. по поручению президента России я выступил с докладом на пленарном заседании Государственного совета. При подготовке доклада опирался на возможности институтов международного профиля, в том числе Института Европы. В результате центральная тема выступления оказалась связанной с укреплением добрососедства стратегического долгосрочного характера с нашими непосредственными соседями. Прежде всего, государствами, входящими в Содружество, и всеми остальными по периметру Российской Федерации. Спустя десять лет я подтверждаю, что именно эта задача должна стоять в центре государственной внешнеполитической повестки дня.

Дискуссии о национальной идее ведутся постоянно. В связи с этим хотелось бы отметить, что, во-первых, вечных национальных идей нет. И, во-вторых, их не может быть десятки. Договорились уже до того, чтобы национальной идеей сделать борьбу с коррупцией. Не претендую на то, что евразийский про-

* Дзасохов Александр Сергеевич, д.полит.н., к.и.н., зам. председателя Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, член Попечительского совета Фонда «Русский мир», член Попечительского совета Российского совета по международным делам.

ект является на данном историческом этапе объединяющей все народы Российской Федерации и народы постсоветского пространства идей. Но с другой стороны, давайте вспомним, что новый политический цикл начался с того, что в числе долгосрочных задач была названа евразийская траектория развития нашей политики. На самом деле это реальная задача. Конечно, пробуксовка была, есть причины для разочарования в том, что СНГ в течение многих лет не было конвертировано в серьезные результаты.

Но ведь сложились новые условия. Первое – новый фон. По настоящему идёт процесс развития геополитического и экономического мирообразования. То, что однополярный мир не состоялся – общепризнанный факт. Вместо этого идёт образование многополярного мира. И, конечно, Россия с её историей, масштабами, не может не рассматривать себя как один из центров, который стимулирует создание новой конфигурации международных отношений.

Есть и другие обстоятельства позитивного характера. Ещё несколько лет назад я бы не осмелился сказать, что трудная, сложная, дорого обошедшаяся нашей стране борьба за сохранение территориальной целостности в основном и в принципе решена. По крайней мере, считаю, что мы уже можем исходить из того, что территориальная целостность страны сохранена. Теперь у России есть возможность сосредоточиться на задаче евразийства.

И здесь можно выделить несколько направлений: классическая дипломатия, которая сохраняет преемственность отечественной дипломатии из поколения в поколение. Второе – экономические вопросы. Считаю, что не могут государственные корпорации подменять политические задачи нашего государства. И когда корпорация говорит, что она перекроет вентиль, и газ не будет поступать в соседнюю страну, и это говорится не на закрытом совещании совета директоров, а с трибун государственных телеканалов, которые смотрят в соседних странах, то мы работаем на защиту ряда корпоративных интересов, но в сознании других сеём к России недоверие. Защищать экономические интересы надо, но не надо представителям корпораций в

императивной форме делать это за политиков.

Недавно на одном из событий, посвящённых Году истории России, декан исторического факультета МГУ рассказал о том, что в Казахстане, в стране с которой мы строим Таможенный союз, издали двухтомник. Первый том посвящён колонизации Казахстана Россией, второй том – национально-освободительной борьбе. Если молодые граждане этих стран станут воспитываться на таких учебниках, то, конечно, перспективы интеграционного продвижения, в том числе на базовых направлениях, связанных с экономикой, инфраструктурой, будут продвигаться с большим трудом. Перед нами стоит задача формировать понимание того, что евразийский проект является важнейшим. Давайте чаще вспоминать и Достоевского, и Гоголя, которые по-философски, как большие мыслители, говорили о России и русских в понятиях всечеловечности и всемирности. В связи со столетием Льва Николаевича Гумилёва был переиздан ряд его работ. Он вопрос ставил даже острее – не будет евразийского развития России – Россия погибнет.

Большая Европа становится реальностью, хотя и медленными темпами. Так, Ашхабадская встреча государств СНГ была по общим результатам лучше, чем все предыдущие. И ОДКБ сейчас функционирует намного более успешно, чем это было несколько лет тому назад. Этот позитивный курс необходимо обязательно продолжить. И, конечно, нельзя забывать о Кавказе. Диалог между четырьмя кавказскими государствами, который был приостановлен из-за русофобской позиции пока ещё действующего президента, может быть возобновлён. Сейчас начинаются практические шаги в этом направлении.

При всей значимости понятия Большой Европы, существует определённая рыхлость. С моей точки зрения, есть два глубоких смысла понимания Большой Европы. Это мировоззренческая, цивилизационная Европа, которая может располагаться и далеко на Востоке. И другая – географическая Европа. Когда говорят – Большая Европа от Атлантики до Дальнего Востока, то это непонятная задача. Да, мы должны по-прежнему отдавать предпочтение сотрудничеству с Европейским союзом, это правильно. Но не в ущерб работе над Евразийским проектом.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В последнее время много говорится о том, какие выгоды и огромные перспективы обещает нам Евразийский союз, призванный стать тем экономическим кластером, который свяжет Европу и Азию. Если две основы политики – дипломатия и экономика, то после развала СССР российское руководство не слишком использовала эти инструменты в отношении СНГ, хотя на постсоветском пространстве был создан ряд организаций с большим штатом и хорошими названиями. Это и ШОС, и ОДКБ, и ЕврАзЭС, и так далее. Если посмотреть на отчёты этих организаций, выглядит всё замечательно, бравурно, прекрасные фотографии. Однако пока особой активностью ни в политике, ни в экономике они не проявили. В экономике обсуждалось множество проектов, но, например, на последнем 60-м заседании Интеграционного Комитета ЕврАзЭС в основном говорили о вопросах охраны окружающей среды, проблемах системы индикаторов социального развития и регламенте Третьих Евразийских спортивных игр среди юношей и девушек.

В результате инициативы президента В.В. Путина России удалось интегрировать экономики Казахстана и Белоруссии, и теперь на Евразийский союз приходится 3,6% мирового экспорта и 2,2% мирового импорта. Не слишком впечатляющие результаты связаны с тем, что мы начали серьезную интеграцию слишком поздно.

Много рассуждений о создании моста между Европой и Азией с помощью Транссиба и БАМа. Это мало реально без огромных инвестиций в наши железные дороги. По оценке В.И. Якунина Транссибу и БАМу для развития железнодорожной инфраструктуры требуется 981 млрд руб. до 2016 г. Планируется к 2020 г. увеличить пропускную способность БАМа до 93 млн т грузов в год за счёт строительства второго главного пути. Одна-

* Носов Михаил Григорьевич, член-корреспондент РАН, зам. директора ИЕ РАН.

ко здесь надо понимать, что БАМ с протяжённостью в 4287 км идёт от Советской Гавани на Тихом океане до Тайшета в Иркутской области, где он соединяется с Транссибом.

Строительство Транссиба началось в 1891 г. и было закончено через десять лет. За год строилось 740 км железнодорожного пути. За годы существования СССР было построено железных дорог в десять раз меньше, чем за двадцать лет с 1891 г., а после 1991 г. строительство железных дорог вообще прекратилось. С 1990 по 2011 г. длина железных дорог России сократилась с 87 до 86 тыс. км; за тот же период годовой объём перевозок грузов по железной дороге составил 1382 млн т, что на 758 млн т меньше, чем в 1990 г.

Россия заинтересована в расширении Евразийского союза и, особенно, во вступлении в него Украины. Последняя юридически не является членом СНГ и не принимает участие в созданных на постсоветском пространстве интеграционных организациях, поскольку не ратифицировала Соглашение о создании СНГ, хотя и явилась одним из основателей этой организации и крупнейшим российским торговым партнёром среди стран постсоветского пространства. Если на членов Евразийского союза Белоруссию и Казахстан в 2011 г. пришлось соответственно 4,8%, 2,6% экспорта и 4,7%, 2,3% импорта РФ, то на Украину в 2011 г. – 5,9% российского экспорта и 6,6% импорта.

Для Евразийского союза вступление в него Украины явилось бы важнейшим шагом на пути укрепления экономического потенциала организации. В российском экспорте в Украину доминирует энергетическое сырьё, что является одним из рычагов давления Москвы в попытках вовлечь Украину в Евразийский союз. Однако до настоящего времени выбора между евроинтеграцией и евразийской интеграцией Киев не сделал. Перед подобным выбором стоят и такие страны, как Молдавия, Армения, Азербайджан и даже Белоруссия, которая при определённых условиях вполне может изменить свою политическую ориентацию. Даже инициатор создания Евразийского союза – Казахстан активно работает над созданием Союза тюрко-говорящих народов, в который вошли бы кроме Казахстана Киргизия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Турция и Северный Кипр.

Очевидно и то, что ни Лукашенко, ни Назарбаев никогда не согласятся делегировать свои полномочия Евразийскому союзу.

Трудно представить себе руководство ЕС, которое обхаживает Хорватию и уговаривает её вступить в ЕС. Мы же всеми силами уговариваем Украину вступить в евразийское сообщество. Ответ на сложившуюся ситуацию прост, но печален. Любая интеграция это процесс, когда к сильному процветающему государству тянутся другие страны. В нашей ситуации всё обстоит значительно сложнее. Конечно, важно продолжать процесс интеграции, но до тех пор, пока Россия в различных опросах занимает не слишком почётные места, интеграция будет идти не слишком легко.

По показателю «ограничение власти государства» Россия занимает 92 место в списке из 97 государств мира. Бывшая советская республика Эстония – 12-я. «Отсутствие коррупции»: мы со 143 перешли на 133 место, Эстония – 32-я. «Порядок и безопасность»: мы – 92-е, Эстония – 23-я. «Соблюдение прав человека»: мы – 83-и, Эстония – 17-я. «Правовое обеспечение»: мы – 68-е, эстонцы – 16-е. Средняя продолжительность жизни: Россия – 66 лет, Эстония – 72 года и т.д.

До тех пор пока мы не перейдём в верхнюю часть таких показателей, наша привлекательность как страны, вокруг которой идёт интеграция, не изменится. Кроме всего прочего, для нас постоянный выбор между Азией и Европой не должен заслонять важность интеграции и с Европой, и с Азией, потому что мы, к сожалению, не пользуемся теми преимуществами, которые имеем. Мы не должны строить союз, противопоставляющий себя тем, кто оказался вне его, мы должны искать пути интеграции не только в рамках СНГ, но и в более широком контексте. Наше преимущество состоит в том, что мы евразийская держава, то есть и европейская, и азиатская. И мы должны выбирать все те преимущества, которые у нас есть для того, чтобы создать действительно процветающее евразийское объединение.

*А.Г. Оганесян**

* Оганесян Армен Гарникович, Советник министра иностранных дел, главный редактор журнала «Международная жизнь».

ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ

Понятие Европа родилось довольно поздно, не ранее XVII в. Оно постепенно вытесняло привычное понятие христианский мир, за которым, как писал французский дипломат XVII в. Пьер Шаню, стояла тысяча лет, несколько веков крестовых походов, эмоциональная насыщенность и благозвучие. К середине XVIII в. проявилась ещё одна важная черта европейской цивилизации (она собственно проявлялась и раньше, но особенно выпукло в это время), которая, по Николаю Кузанскому, определялась таким понятием, как «окружность нигде, центр повсюду». Речь шла об открытости цивилизационных границ Европы, их подвижности. Мобильность и подвижность цивилизационной Европы открывали возможности и для России. У Шаню есть ещё одна важная дефиниция. Он говорит о том, что критерием принадлежности к европейской цивилизации может служить вовлечённость во внутрицивилизационный диалог.

Россия, если так рассуждать, уже давно часть Большой Европы. Действительно, если мы возьмём область культуры, духовности, то с этим спорить трудно. Недавно я перечитал уже почившего замечательного поэта Юрия Кузнецова, у которого есть тезис – отдайте нам Шекспира, Гамлет больше наш, он более русский, чем ваш, английский (точнее датский). В общем, во внутриевропейском цивилизационном диалоге мы участвуем уже очень давно. И не надо всё сводить к экономике. Сегодня диспуты ведутся обычно вокруг политики и экономики, но нельзя забывать и о важных цивилизационных моментах.

В недавно вышедшей книге «Россия и Европа, жизненно важный союз» Жан-Бернара Пинателя, который исходит из цивилизационной общности исторических судеб европейцев, есть очень интересное рассуждение. Он пишет: интересы России и Европы совпадают в сферах геополитики, международных отношений и экономики. Однако в наибольшей степени это стратегическое партнёрство проявляется в области безопасности перед лицом исламистской угрозы; мы должны решить сложное уравнение, избежать того, чтобы миллионы мусульман, мирно

живущих как в Европе, так и в России, стали жертвами радикализации.

Создание Евросоюза остро поставило вопрос об идентификации. «Идентификационная растерянность» в ЕС следует из того, что изначально он принял очертания политического проекта, структурированного сверху вниз. Многие специалисты считают, что Евросоюз до сих пор концентрирует все свои усилия, чтобы вызвать чувства приверженности этому проекту исключительно по вертикали сверху вниз. В то же время практически не обращалось внимания на вопрос, как чувства общности росли снизу вверх и вне институтов ЕС или рядом с ними. Более того, почти все были застигнуты врасплох тем, как возвращение Восточной Европы глубоко и необратимо меняло политику европейской идентичности. То, что внешние дисциплинарные принципы интеграции в Европейском Союзе опережают, а в отдельных случаях и противоречат интеграции внутренней, равно как и её региональному разнообразию, со временем стало очевидно.

Тогда возникает вопрос: а в чём же гарантия привлекательности и оправданности проекта «Большая Европа»? Он же ещё более аморфный. Ответ может показаться парадоксальным: в его аполитичности.

Накануне своего визита в США В.В. Путин выдвинул идею о пространстве от Лиссабона до Владивостока. Другой европейский политик Романо Проди высказал такую интересную вещь: Евразийский союз, о котором говорит Путин, и который, конечно, имеет отношение к Большой Европе, это же идеальный кластер между Европой и Азией. В условиях экзистенциального выживания Европы необходимо посмотреть на Евразийский союз как на будущий потенциальный рынок, как на мост из Европы в Азию и даже в Тихоокеанский регион. Именно кризис подталкивает сегодня многих к рассуждениям о Большой Европе. Причём уже и в евразийских проектах есть свой наднациональный элемент – Экономическая комиссия.

В ЕС, конечно, с опаской смотрят на многие цифры, и понимают, что стремительный рост экономики в Азии бросает им вызов. Действительно, Европа находится у основания новой вол-

ны мирового развития. Если посмотреть на цифры, то доля Европы, США, Канады в мировом валовом продукте с 1950 г. сократилась с 68 до 47% к 2003 г. По подсчётам Международного валютного фонда уже через сорок лет остальной мир будет производить, если сохранится прежняя динамика, почти 80% всех материальных благ, и всё это будет происходить на фоне стремительного старения и сокращения народонаселения в Европе, включая Россию. Подчеркну – это общеевропейское падение.

В последние дни пребывания в Елисейском дворце Николая Саркози был обнародован доклад о европейско-российском экономическом пространстве. В этом документе сказано, что в отношениях с Россией существует настоящая взаимодополняемость. Высказано мнение, что создание зоны свободной торговли с Россией послужит мощным рычагом для экономического роста не только Франции, но и ЕС в целом. Европа опасается отмывания денег и не доверяет российским инвесторам. Это факт. Но в докладе говорится об успешной модернизации наших банков, о том, что за время кризиса они очистились и теперь с ними можно работать. Насколько это так, другой вопрос, но определённый сдвиг есть.

Идеей Большой Европы прагматично пользуются немцы, которые наращивают экспорт в Россию и другие страны. Тем самым Берлин решает для себя и немало политических задач. Недавно на конференции в Карловом университете, в которой принимал участие, даже чехи говорили о том, что рынок в Европе стал тесен, что они, потеряв многие связи с Советским Союзом, оказались в проигрыше. Немцы же, напротив, укрепляют связи с постсоветским пространством на фоне шквала критики со стороны Лондона и других европейских партнёров, которые пеняют им на то, что Германия де задавила своими товарами еврозону. Выплёскивая свои товары и предприятия в Россию, немцы смягчают эти противоречия.

И всё же ощущение такое, что пока Европа своим нутром не почувствует, что она стоит перед пропастью, она в сторону России не пойдёт. ЕС, видимо, нужно накопить какой-то опыт. Пока Большая Европа – это, скорее, некий смутный вектор, мечта и идея. Но вокруг неё могут консолидироваться вполне прак-

тические подходы. Как говорил Сервантес, кто невозможного желает, тот мне мил.

В заключении приведу две цитаты. Одну из Василия Васильевича Розанова, известного русского писателя-публициста XIX в., который верно охарактеризовал поиски идентичности в Большой Европе. Он замечательно сказал, в европейском человечестве образовались пустоты от бывшего христианства и в эти пустоты проваливается мир. Мы возвращаемся к понятию Европа, которая сменила понятие христианский мир.

И вторая цитата из обращения Алексея Второго, которое он произнёс на Ассамблее Совета Европы в Страсбурге: христианские идеи достоинства, свободы и нравственности в своей взаимосвязи создают уникальный код европейского сознания, обладающего неиссякаемым созидательным потенциалом в личной и общественной жизни. Именно эти идеи могут послужить краеугольным камнем при строительстве Большой Европы.

*А.А. Галкин**

ИНТЕГРАЦИЯ И ПАРАДОКСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мы живём в очень сложном, поистине хаотическом мире, нуждающемся в достаточно мощных регулирующих импульсах. Констатируя это, следует, однако, полностью отдавать себе отчёт в том, что регулирование (или, если хотите, управление) должно в данном случае быть весьма специфическим. Регулировать мировые процессы – не командовать батальоном. Это задача «чуть-чуть сложнее». Прямой вертикалью здесь не обойтись, и одним громким голосом ничего не сделаешь.

Средства воздействия на происходящие процессы должны быть эффективными, но в то же время предельно гибкими, поскольку объекты регулирования в подавляющем большинстве – суверенные игроки на международном поле, руководствующие в поведении, прежде всего, тем, что они считают своим

* Галкин Александр Абрамович, д.и.н., профессор, Институт социологии РАН.

национальным интересом.

Отсюда необходимость, добиваясь поставленной цели, постоянно сопоставлять желаемое и достижимое, приемлемое и неприемлемое для тех или иных потенциальных партнёров, созревшее для решения и нечто возможное только в будущем. Быть может, через полстолетия или столетие ситуация изменится к лучшему. Сегодня на это можно только надеяться.

Но есть ещё одна сторона дела, заслуживающая особого внимания. Любые изменения глобального порядка влекут за собой множество последствий. И некоторые из них могут оказаться не только неожиданными, но и весьма негативными. Поэтому, планируя эти изменения, крайне важно тщательно и детально рассматривать и оценивать не только исходные посылки и предполагаемые целевые установки, но и всю гамму возможных промежуточных ситуаций, которые в своей совокупности могут толкнуть процесс в направлении, которое будет весьма далёким от того, которое предполагалось изначально.

Попытаюсь рассмотреть эту сторону дела на примере интеграции в том её варианте, который осуществлялся и осуществляется в рамках Евросоюза.

Сейчас многие эксперты приходят к выводу, что, несмотря на очевидные успехи, которыми вправе гордиться члены этого союза, в нём всё очевиднее даёт о себе знать серьёзная червоточина, таящаяся в его сердцевине. Отсюда необходимость всерьёз уяснить, чем она обусловлена и каково её истинное содержание.

Принято считать, что трудности, которые переживает интегрированная Западная и Центральная Европа, вызваны исключительно глубоким экономическим, или, точнее, если речь идёт о нынешнем времени, финансовым, бюджетным кризисом. Это верно и неверно. Верно в том смысле, что именно экономический кризис 2008–2009 гг. и его последовавшие модификации положили начало целой полосе болезненных хозяйственных потрясений. Но неверно потому, что они всего лишь послужили катализатором, вскрывшим серьёзное несовершенство интеграционной модели, положенной в основу Евросоюза.

В чём же заключается это несовершенство? Прежде всего, в

явной недооценке сложных и противоречивых процессов, происходивших в общественном сознании народов интегрируемых стран и, главным образом, в сфере сложившихся национально-государственных идентичностей. Управленческие импульсы отцов-основателей интеграционного проекта и их последователей исходили в основном из того, что интеграцию надлежит осуществлять исключительно в экономической области. Предполагалось, что, если будут решены экономические проблемы, все остальные аспекты интеграции найдут урегулирование сами по себе – автоматически. В годы «тучных коров» (1970-90-е) этот подход вроде бы работал. Но как только начался серьёзный кризис, ему пришлось «туго».

Немалую роль в этом сыграло то, что в ходе интеграции на передний план выступили закономерности социально-психологического и, соответственно, политического порядка. Более того, они стали настолько сильными, что превратились в мощный тормоз экономического развития. То, что мы видим сейчас, отражает глубокое противоречие между необходимостью дальнейшего движения вперёд в области экономической интеграции и социально-психологическими, а также политическими установками значительной части общества. И доминирующую роль в этом начал играть игнорируемый одно время «национальный вопрос». Поэтому тот кризис, который переживает сейчас Европейский союз, гораздо серьёзнее, чем это может показаться с первого взгляда.

Руководящие структуры Евросоюза на протяжении десятилетий исходили из предположения, согласно которому национальное государство обречено на «отмирание», и что в ходе происходящей экономической интеграции существующие государства-нации неизбежно растворятся в «общеевропейском котле». Однако эта установка оказалась в корне неверной.

За столетия существования государственно-гражданских наций у них сложилось экономическое пространство, обеспечивающее худо-бедно условия для развития производства и повышения уровня жизни. Несмотря на отсутствие герметичности этого пространства, его роль всё ещё значительна – даже там, где национальные государства вошли в состав более широких объеди-

нений. И она, судя по всему, сохранится ещё длительное время.

В этих же пределах возникло правовое и политическое пространство. И значение его с годами не уменьшилось, а возросло. На базе национальных сообществ укрепились современные политические режимы. Можно долго и много рассуждать об их действительных и мнимых изъянах. Но свои функции они реализуют. Между тем, заинтересованность в них (а она имеет массовый характер) неразрывно связана с привязанностью к национальным общностям, объединённым на государственной основе.

Не меньшую роль играет устойчивое восприятие национальной общности как решающего гаранта безопасности от внешних посягательств. Поскольку других гарантов пока мало, а ставка на них связана с риском, вера в государственно-гражданскую общность как защитника от иноземных посягательств до сих пор остаётся реальным фактом.

Ко всему этому следует добавить во многом негативное массовое социо-психологическое восприятие передачи государственных компетенций на усмотрение наднациональных бюрократов, а также неоднозначный опыт, накопленный многими народами на протяжении истекших десятилетий в результате беспрецедентной интенсивности людских потоков, всё активнее преодолевающих границы регионов, государств, цивилизаций и континентов.

Отрицать позитивную сторону этого опыта было бы неверным. Однако она реализовалась чаще всего тогда, когда масса вновь прибывших не превышала критического показателя, не создавала неудобств аборигенам, была цивилизационно и конфессионально близкой, проявляла внятно выраженную готовность принять и усвоить обычаи и законы новых мест пребывания или, по меньшей мере, считаться с ними. В противных случаях результат был сдержанно нейтральным, а чаще всего, негативным. Особенно остро это проявляется тогда, когда основную массу вновь прибывших составляют трудовые иммигранты из стран с низким уровнем общественного развития и доминирующим мусульманским населением.

Соответственно там, куда вливались иммиграционные потоки, а передача части государственных функций интеграцион-

ным институтам осуществлялась без должного учёта социо-психологических установок большинства граждан, сложились три типа реакции на интенсификацию межнациональных отношений: благожелательная, нейтральная и нетерпимо-негативистская. При этом, в каждой из них присутствовала своя шкала интенсивности: от сдержанной до радикальной.

Социологические замеры дают основания констатировать, что в странах, столкнувшихся с этой проблематикой, благожелательное отношение к личностным отношениям с представителями других народов, которое, вроде, должно было бы символизировать современный подход к проблеме, свойственно лишь меньшинству. Наиболее распространены, как правило, нейтральное, с одной стороны, и нетерпимо-негативистское, с другой, отношения к представителям иных государств и цивилизаций. Стремление оградить себя от «пришельцев» стимулирует ревностно-активистское отношение значительной части коренного большинства к своим национальным ценностям и обычаям и, соответственно, к своему национальному государству, его субъектности, суверенности и самостоятельности в принятии решений.

Поскольку в результате уже осуществлённой интеграции произошёл перенос некоторой суммы решений на более высокий, наднациональный уровень, за истекшие годы резко возрос удельный вес и уровень полномочий наднационального управленческого аппарата – брюссельской бюрократии.

Первоначально население стран-членов Евросоюза относилось к этому сравнительно спокойно. Однако со временем поведение чиновников из Брюсселя, свойственный им стиль работы, высокомерие и самовластие стало вызывать растущее недовольство. Особенно возросло оно с началом кризиса, убедительно продемонстрировавшего низкую компетентность совокупности наднациональных управленцев.

Одновременно стало предельно очевидным реальное неравноправие членов Евросоюза. В нём чётко вычленились ядро и периферия, ведомые и ведущие страны, а среди них главное, доминирующее государство – Федеративная Республика Германия.

Одним из ощутимых следствий этого стал повсеместный

рост негативных ценностных ориентаций, получивших наименование «евроскептицизм». Они пока ещё не стали доминирующим настроением во всех странах Евросоюза, однако местами достигли высокого накала.

Достаточно назвать в этой связи Великобританию. Отношение её населения к Евросоюзу всегда отличалось, мягко говоря, сдержанностью. Немалую роль в этом сыграло давнее недоверие (а то и неприязнь) к немцам («бошам»). С наметившейся сейчас доминирующей позицией ФРГ в Евросоюзе оно мириться не склонно. Но дело не только в этом. Великобритания с самого начала не хотела чрезмерно связывать себя со странами континента, опасаясь ослабления своих позиций в столь важном для неё британском Содружестве наций. Сейчас, на наших глазах евроскептицизм граждан Великобритании усиливается. Если бы референдум по вопросу о дальнейшем пребывании Великобритании в Евросоюзе состоялся в ближайшее время, его результат мог бы склониться не в пользу ЕС.

В аналогичную сторону эволюционируют настроения общественности в Южной Европе. В Греции, например, антинемецкие настроения, утвердившиеся в общественном сознании, по своим масштабам и остроте сравнимы лишь с теми, которые преобладали там в годы Второй мировой войны и оккупации страны нацистскими войсками. Нечто подобное зреет сейчас в Италии, Испании и Португалии.

Заметно меняется и само содержание евроскептицизма. Если раньше он предполагал сдержанно критическое отношение к отдельным шагам и проектам Евросоюза, то теперь всё чаще ставится под сомнение оправданность его существования. И хотя на этих позициях пока пребывает меньшинство, оно достаточно заметно, чтобы с ним могли бы не считаться.

На этот процесс накладывается ещё одно не очень позитивное явление. Передача части функций, издавна выполнявшихся национальным государством, на более высокий уровень – интеграционным административным институтам, не отменив национальное государство, тем не менее, положила начало размыванию государственно-гражданской идентичности. А это, в свою очередь, нашло выражение в повсеместной активизации

регионального сепаратизма – особенно заметного там, где сохранилось более-менее компактное этническое меньшинство.

Если ограничить анализ странами, ставшими членами Евросоюза, то можно напомнить о том, что именно в их среде ещё во второй половине XX в. сформировался и нашёл широкое распространение хлёсткий лозунг «Европы регионов», исходивший из того, что основными субъектами реализуемой тогда интеграции должны стать не государства, а непосредственно их районы.

Правда, практических последствий распространение этого лозунга не имело. В те годы, в условиях сравнительно устойчивого, позитивного развития западноевропейской интеграции серьёзных сторонников у него не нашлось. Тем не менее, мысль сохранилась, ибо, даже будучи изложенной в не очень приемлемой форме, она всё же отражала некоторые объективно протекавшие процессы. А они тем временем продолжались. Особенно заметным это стало, как только начался очередной мировой экономический кризис. Объектами серии атак оказались в первую очередь те страны, в которых государственно-гражданская идентичность была уязвимой.

Ряд специалистов (в том числе далеко не худших) поспешили провозгласить происходящее новым свидетельством в пользу тезиса о близком конце государства как основной формы хозяйственного, культурного и административного членения человеческого сообщества. О несостоятельности такого подхода уже шла речь выше. В действительности мы имеем дело не с кризисом государства, а с кризисом уже сложившихся государств, на смену которым могут прийти другие.

Какие? Окончательно сказать пока трудно. Дальнейший ход событий в деталях непредсказуем. Пока можно лишь сослаться на предварительный реестр стран, которые могут, рано или поздно, оказаться перед перспективой крайне болезненных преобразований.

Условно их можно подразделить – в зависимости от остроты проблемы – на несколько эшелонов. В первый есть все основания включить Бельгию, Великобританию, Испанию и Канаду. В них угроза сохранению прежних государственных пределов

вышла далеко за досужие рассуждения «пикейных жилетов». Сейчас она стала реальным объектом болезненных политических решений. В Бельгии значительная часть фламандцев не намерена и дальше сосуществовать с валлонами в едином государстве. И решение этого вопроса настолько назрело, что выглядит неизбежным. В Великобритании всё большая часть населения Шотландии высказывается за размежевание с Англией.

Ещё острее складывается обстановка в Испании. В исторически сложившихся провинциях зреющее недовольство приобрело форму пусть пока словесного, но отторжения от центральной власти. С наибольшей силой это проявилось в Каталонии – этнически и лингвистически особом и богатом регионе страны. Судя по результатам выборов в местный парламент, состоявшихся в конце 2012 г., большинство каталонцев, в том числе представителей политической и экономической элиты, намерены добиваться создания самостоятельного государства.

Население Квебека (Канада), этнически и культурно чувствующее себя в большей степени французами, чем канадцами, неоднократно демонстрировало поддержку политическим силам, требующим превращения провинции в независимое государство. Сейчас у власти в провинции пребывает партия, которая провозгласила своей целью превратить требование в реальность.

Во второй эшелон есть все основания включить Италию и Францию. В первой есть влиятельная, представленная в парламенте и имеющая опыт пребывания в правительстве партия сепаратистов. В её учредительных документах содержится недвусмысленная установка, предполагающая отторжение Севера от остальной Италии. Пока практические действия по реализации этой идеи энергичностью не отличались. Не следует, однако, забывать, что за поверхностной риторикой признанных сепаратистов стоит богатое историческое прошлое: длительное существование богатой Венецианской республики, влиятельного Генуэзского государства, культурной столицы средневековой Европы – Флоренции, жители которой поныне ведут своё происхождение от этрусков – стойких врагов тогдашних «дикарей из Рима»; широко известного королевства «двух Сицилий» и

многое другое. В общественном сознании итальянцев память обо всём этом вовсе не задвинута в подсознание. И если кризисная ситуация утвердится всерьёз и надолго, то нет оснований сомневаться в том, что эта память может превратиться в важный фактор политического поведения граждан.

Франция на протяжении ряда столетий слыла наиболее централистской из всех значимых стран Западной Европы. Тем не менее, и у неё есть свои внутринациональные «болячки». Обычно в этой связи принято называть корсиканскую проблему. Действительно, этот во многом этнически и лингвистически итальянский остров до сих пор плохо вписывался во французскую идентичность. Однако если присмотреться ближе, у Франции в домашнем шкафу есть и другие «скелеты». Достаточно упомянуть Эльзас с его немецкоязычным населением и тесной связью с немецкой культурой, Нормандию, Бретань и т.д.

Особняком, вроде бы, стоит современная Германия – экономически наиболее успешная держава, пока ещё выступающая в роли спонсора нищающих коллег по Европейскому союзу. Её нерушимое единство представляет собой ныне нечто вроде «священной коровы» в индийском Пантеоне. И так, судя по всему, будет до тех пор, пока немецкое народное хозяйство остаётся более-менее здоровым. В противном случае возможные различные варианты.

В 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, баварцы, вроде бы невзначай, вспомнили о том, что их земля на протяжении полутысячи лет была самодостаточным и самостоятельным королевством. И политическая ориентация на независимость оставалась там актуальной вплоть до 1924 г. – начала экономического оздоровления Германии. О самостоятельном прошлом заговорили тогда и в землях рейнского левобережья, где под возгласы «Прочь от Берлина» была провозглашена Рейнская республика. Нечто подобное можно было наблюдать и в первые месяцы после капитуляции нацистского режима в мае 1945 г.

Конечно, всё изложенное выше – не более чем вариант, который может и не реализоваться. Вместе с тем, бесспорно, что объективная ситуация, складывающаяся во многих развитых,

считавшихся стабильными странах, открывает благоприятные возможности для радикальных националистов «разного разлива». И игнорировать это весьма опасно.

Описанные процессы крайне важны и для понимания нашей внутренней ситуации. Во-первых, потому, что Россия является многонациональным государством, а многие её национальные проблемы решаются пока плохо. Во-вторых, потому, что мы во всё большей степени становимся неотъемлемой частью остального мира и нам не избежать проблем, аналогичных тем, с которыми приходится иметь дело другим.

**В 2011–2013 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

273. В.И.Мироненко. Политическое влияние России на Украине (1991–2011 гг.). ДИЕ РАН, № 273, М., 2011 г.
274. Мир XXI века: сценарии будущего для России. Под ред. Ал. А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 274, М., 2011 г.
275. Н.П.Шмелёв, В.П.Фёдоров. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. ДИЕ РАН, № 275, М., 2012 г.
276. Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. *Материалы круглого стола, 19 октября 2011 г.* ДИЕ РАН, № 276, М., 2012 г.
277. С.М.Фёдоров. Франция в новых геополитических условиях Европы XXI века. ДИЕ РАН, № 277, М., 2012 г.
278. Н.М. Антюшина. Арктический вызов для национальной и международной политики. ДИЕ РАН, № 278, М., 2012 г.
279. Германия. 2011. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 279, М., 2012 г.
280. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели. Под ред. Ал.А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 280, М., 2012 г.
281. А.А.Красиков. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. ДИЕ РАН № 281, М., 2012 г.
282. И.С.Гладков. Внешняя торговля России: ретроспективный анализ и современность. ДИЕ РАН № 282, М., 2012 г.
283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.
286. Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. Под ред. Ал.А.Громыко, Т.Т.Тимофеева. ДИЕ РАН № 286, М.,

2012 г.

287. Что Россия ждёт от Европейского союза? Под ред. Н.Б.Кондратьевой. ДИЕ РАН № 287, М., 2013 г.

288. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.

289. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.

290. Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ РАН № 290, М., 2013 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2011–2013

273. V.I.Mironenko. Russian political influence in Ukraine (1991–2010). Reports of the IE RAS, № 273, М., 2011.

274. The World in the XXI century: Scenarios for Russia. Ed. by Al.A. Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 274, М., 2011.

275. N.P.Shmelev, V.P.Fyodorov. The EU – Russia: a Measure of Cooperation. Reports of the IE RAS, № 275, М., 2012.

276. The debt crisis in the EU and prospects for the euro. Materials of the round table, October 19, 2011. Reports of the IE RAS, № 276, М., 2012.

277. S.M.Fedorov. France in the new geopolitical conditions of XXI century's Europe. Reports of the IE RAS, № 277, М., 2012.

278. N.M.Antyushina. Arctic Challenges for the National and International Policy. Reports of the IE RAS, № 278, М., 2012.

279. Germany. 2011. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 279, М., 2011.

280. Britain in crisis: tactical measures and strategical goals. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 280, М., 2012.

281. A.A.Krasikov. Vatican 2000years after. Roman Catholicism between the past and the future. Reports of the IE RAS, № 281, М., 2012.

282. I.S.Gladkov. The foreign trade of Russia: retrospective analysis and the present. Reports of the IE RAS, № 282, М., 2012.

283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, М., 2012.

284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, М., 2012.

285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, М., 2012.

286. Changes in Europe: are alternatives possible. Ed. by Al.A.Gromyko, T.T.Timofeev. Reports of the IE RAS, № 286, М., 2012.

287. What does Russia expect from the European Union? Ed. by N.B.Kondratyeva. Reports of the IE RAS, № 287, M., 2013.
288. Global imbalances and world economy crises. Part I. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 288, M., 2013.
289. Global imbalances and world economic crisis. Part II. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 289, M., 2013.
290. South-Eastern Europe: between the past and the future. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 290, M., 2013.